BV
4839
R8A5

Class_____

Book_____.

YUDIN COLLECTION

GPO

Былъ у Христа-младенца садъ,
И много розъ взростилъ Онъ въ немъ.
Онъ трижды въ день ихъ поливалъ,
Чтобъ сплесть вѣнокъ себѣ потомъ.

Когда-же розы расцвѣли,
Дѣтей еврейскихъ созвалъ Онъ;
Они сорвали по цвѣтку,
И садъ былъ весь опустошенъ.

— «Какъ ты сплетешь теперь вѣнокъ?
Въ твоемъ саду нѣтъ больше розъ!»
— «Вы позабыли, что шипы
Остались Мнѣ», сказалъ Христосъ.

И изъ шиповъ они сплели
Вѣнокъ колючій для Него,—
И капли крови, вмѣсто розъ,
Чело украсили Его.

ПОМИЛУЙ МЯ,
БОЖЕ,
ПОМИЛУЙ МЯ!

«Вѣрую Гди! помози моемѹ невѣрію!»
Марк. гл. 9, ст. 24.

ПОМИЛУЙ МЯ, БОЖЕ,

ПОМИЛУЙ МЯ!

ДУШЕВНЫЕ И СЕРДЕЧНЫЕ ВОПЛИ, СТЕНАНІЯ И ВОЗДЫХАНІЯ КАЮЩАГОСЯ ГРѢШНИКА.

«Покаѧ́нїѧ ѿве́рзи мѝ двє́ри, Жизнода́вче, оу҆́тренюетъ бо дꙋ́хъ мо́й ко хра́мꙋ ст҃о́мꙋ Твое́мꙋ, хра́мъ носѧ́й тѣле́сный ве́сь ѡ҆скверне́нъ: но ꙗ҆́кѡ ще́дръ ѡ҆чи́сти бл҃гоꙋтро́бною Твое́ю ми́лостїю.»
(Тропарь изъ постной тріоди, въ недѣлю мытаря и фарисея.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1858.

От С.-Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать дозволяется. 25-го Октября 1857 года.

Цензоръ Проф. *Карповъ*.

ВЪ ТИПОГРАФІИ МОРСКАГО МИНИСТЕРСТВА.

ВСѢМЪ ПРАВОСЛАВНЫМЪ ХРИСТІАНАМЪ,

съ вѣрою, благоговѣніемъ, смиреніемъ, искреннимъ раскаяніемъ и страхомъ Божіимъ приступающимъ къ великимъ таинствамъ: покаянію и причащенію,

Посвящаетъ
многогрѣшный рабъ Божій
Александръ.

Други мои, братья, Христіане!

Іудейскіе учители (раввины) увѣряютъ, что Богъ сообщилъ маннѣ—которою Онъ питалъ Израильтянъ въ теченіе 40 лѣтъ—такое качество, что она находясь во рту вкушавшихъ ее, принимала тотъ вкусъ, какого имъ хотѣлось. Тоже самое можно сказать и о маннѣ *Божественнаго Слова.* По мѣрѣ вѣры, познанія и просвѣщенія Св. Духа,—одинъ и тотъ же стихъ Священнаго писанія служитъ то къ наставленію, то къ предостереженію, то къ утѣшенію или къ высшему откровенію. Всякое не противное Евангелію поученіе, какъ сильно или какъ слабо не было бъ оно, можетъ произвесть одинаковое дѣйствіе, потому что Господь не оставляетъ

безъ награды усерднаго молельщика, покинувшаго для Церкви домашнія дѣла, и посылаетъ ему ту желанную пищу, какой не могъ бы самъ по себѣ доставить ему проповѣдникъ. Желающій слышать принимаетъ въ душу свою самъ по себѣ лучшее изъ того, что входитъ въ него посредствомъ тѣлесныхъ ушей. И такъ вы всегда унесете съ собою что нибудь, потому что «*имѣющему дается*».

Приходите же въ Церковь чаще и слушайте, и поучайтесь, и Господь не оставитъ безъ награды вашихъ усилій. Въ этомъ глубоко увѣренъ.

уважающій васъ другъ

Александръ.

I.

Податель всѣхъ земныхъ благъ, существо совершеннѣйшее, человѣколюбивое, всеблагое, премудрое, праведнѣйшее, милостивѣйшее—Господь Вседержитель ежедневно призываетъ насъ къ покаянію или устами Пророковъ: «*Обратитеся ко Мнѣ*, говоритъ Господь силъ, *и обращуся къ вамъ*», или благовѣствованіями Апостоловъ: «*Отложимъ убо дѣла темная, и облечемся во оружіе свѣта*» (Рим. гл. 13, ст. 12), или голосомъ Евангелія: «*Пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи и Азъ упокою вы*» (Мат. гл. 11, ст. 28). Чтожъ от-

вѣчаемъ мы на призывъ Божественнаго голоса?—какъ глухіе, не слышимъ его,—какъ глупые, не заботимся и не разсуждаемъ объ этомъ. Если слово Божіе коснется нашего сердца и разбудитъ совѣсть, мы стараемся тотчасъ же усыпить ее, представляя тысячи извиненій и причинъ побуждающихъ насъ грѣшить и будто бы мѣшающихъ намъ обратиться съ покаяннымъ и сокрушеннымъ сердцемъ къ Сердцевѣдцу.

Призываетъ насъ единородный Сынъ Божій къ совершенію поста и вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ намъ и нелицемѣрный способъ пощенія, говоря: «*Ты же постяся помажи главу твою, и лице твое умый*» (Мат. гл. 6, ст. 17). Призываетъ Онъ насъ и на молитву, научая вмѣстѣ и самымъ словамъ молитвы: «*Сице убо молитеся вы: Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ*» (Мат. гл. 6, ст. 9). Но мы невоздержные и чревоугодники отвѣчаемъ: что поститься не можемъ по причинѣ нездоровья,—что постная пища вредна для нашего здоровья, и потомъ

наполняемъ желудокъ нашъ до пресыщенія разными кушаньями и напиваемся съ друзьями до самозабвенія. Вотъ какъ чествуемъ и уважаемъ мы дни великаго поста! Наконецъ многомилостивый и всемилосердый Богъ призываетъ насъ къ покаянію внутреннимъ обличеніемъ собственной нашей совѣсти, которая, укоряя и преслѣдуя насъ за беззаконія, часто говоритъ намъ: зачѣмъ мараемъ мы душу свою всѣми плотскими нечистотами? Напоминаетъ намъ, чтобы мы спѣшили омыть раскаяніемъ нечестіе сердецъ нашихъ, иначе смерть застанетъ насъ въ нечистотѣ нашихъ прегрѣшеній. Чтожъ отвѣчаемъ мы на это?—Мы остаемся спокойными, не скорбимъ даже и не печалимся о прегрѣшеніяхъ нашихъ думая и говоря: передъ смертью еще успѣемъ покаяться.—Боже Всемогущій! вотъ какъ принимаемъ мы Твое святѣйшее призваніе къ раскаянію нашему въ беззаконіяхъ нашихъ,—вотъ какъ отвѣчаемъ мы Тебѣ, обѣщающему намъ Царство небесное, гдѣ

блаженству и счастію не будетъ конца. И между тѣмъ, всѣ мы христіане есмы, Богомъ званные ко спасенію. Всѣхъ насъ Самъ Іисусъ Христосъ, находясь невидимо среди насъ, одинаково призываетъ ко спасенію, какъ нѣкогда призывалъ людей Іерусалимскихъ: «*Грядите, яко уже готова суть вся*» (Лук. гл. 14, ст. 17). Слышите ли, други, голосъ Человѣколюбца, голосъ Отца, голосъ благотворенія, снисхожденія и милосердія—*готова суть вся:* и отпущеніе грѣховъ, и вечеря таинственная, и одежда святая, и небесное блаженство и вѣчное царство, и всѣ чистѣйшія радости, и всѣ неописанныя благія, которыхъ «*Око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша*» (1 Кор. гл. 2, ст. 9). Вотъ какія блага ожидаютъ любящихъ Господа! «*Грядите, готова суть вся*»—повторяетъ Господь. Чтожъ отвѣчаемъ мы, безпечные и нечестивые, на этотъ милосердый и благодатный призывъ?—Господи! мы хотимъ, мы желаемъ придти къ Тебѣ, человѣколюбивѣйшему

Отцу и Богу нашему, чтобъ удостоиться небесныхъ даровъ Твоихъ,—но плотская немощь, мірская суета, искушенія человѣконенавидца препятствуютъ намъ въ этомъ святомъ желаніи,—вотъ что отвѣчаемъ мы; но развѣ подобныя препятствія неизбѣжны,—развѣ это не пустыя и ничтожныя извиненія съ нашей стороны, отъ насъ погрязшихъ во тьмѣ и безднѣ грѣховъ и преступленій,—развѣ не имѣемъ мы примѣровъ въ безчисленномъ множествѣ святыхъ мужей и женъ, мужественно устоявшихъ противъ всѣхъ земныхъ искушеній,—развѣ не даны намъ Господомъ силы, разумѣнія и воли,—развѣ содѣйствіе благодати Божіей, если только захотимъ мы, не уничтожитъ всѣхъ неудобствъ и препятствій къ нашему спасенію,—не ясно ли, какъ несправедливы, неприличны и нечестивы извиненія наши передъ Господомъ Богомъ, Который даровалъ намъ всѣ необходимыя средства для нашего спасенія?—О, хорошо зналъ объ этомъ Царь и великій Пророкъ Да-

видъ! съ глубокимъ раскаяніемъ и горячими слезами молился онъ Господу и степая взывалъ къ Нему: «*Боже! не уклони сердце мое въ словеса лукавствія, непщевати вины о грѣсѣхъ*» (Пс. 140, ст. 4). Падемъ же и мы, съ духомъ сокрушеннымъ и сердцемъ смиреннымъ, ницъ передъ Господомъ, исповѣдуемъ благоговѣйно Ему, Сердцевѣдцу, всѣ беззаконія наши, и плача и рыдая, воззовемъ къ Нему, Милосердому, не уклони, Господи, не уклони сердецъ нашихъ въ словеса лукавствія,—пошли намъ чистоту и святыню покаянія,—прости и остави намъ грѣхи и прегрѣшенія наши,—даруй доброе и полезное душамъ нашимъ, — всели въ насъ благодать Твою и—помилуй, помилуй насъ, Боже, все и вся милующій!

II.

Высокоблагодатно таинство покаянія,—животворна и могущественна сила его. На множество грѣховъ, ни долговремен-

ное закоснѣніе во грѣхахъ, ничто не въ силахъ побѣдить покаянія. Кто кается истинно, — тотъ получаетъ и прощеніе, и спасеніе. Все это такъ вѣрно и справедливо, что не подлежитъ никакому сомнѣнію, потому что основано и на словахъ Пророковъ, и на Апостольской проповѣди, и на примѣрахъ истинно раскаявшихся и, наконецъ, на словѣ Бога Отца, пославшаго Сына Своего не праведныхъ призвать, но грѣшныхъ на покаяніе. «*Не пріидохъ бо призвати праведники, но грѣшники на покаяніе*» (Мат. гл. 9, ст. 13). Слѣдовательно для насъ, вѣрующихъ во Христа, все это несомнѣнно. Но вотъ гдѣ сомнѣніе: истинно ли и искренно ли наше покаяніе? Прочитывая въ Священномъ писаніи о дѣлахъ истинно раскаявшихся и вникая въ дѣло нашего покаянія, что находимъ мы въ самихъ себѣ? Не истинное и искреннее покаяніе, а какъ бы обыкновенное житейское дѣло, которое надобно когда нибудь и какъ нибудь исполнить, выражаясь проще: свалить съ

рукъ долой. О, Боже! Боже мой! не приготовившись къ этому великому таинству, мы кое какъ приступаемъ къ нему, и кое какъ исполняемъ его. А между тѣмъ истинное покаяніе требуетъ совершеннаго и чистѣйшаго сознанія во грѣхахъ нашихъ, сокрушеннаго и смиреннаго исповѣданія беззаконій нашихъ, искренняго, честнаго и твердаго обѣщанія, всячески воздерживаться отъ грѣховъ. Только тотъ получитъ оставленіе грѣховъ своихъ, кто раскается подобнымъ образомъ. Постъ, молитва, слезы, укрощеніе плоти, воздержаніе отъ всего житейскаго, удаленіе отъ всего, что приближаетъ ко грѣху и стремленіе къ добродѣтельному, достойному и чистому, вотъ дѣла покаянія, вотъ средства приготовиться къ покаянію. — Такъ ли приготовляемся мы къ этому великому таинству? Взглянемъ внутрь себя и подумаемъ истинно, — нѣтъ! мы исполняемъ это — или въ слѣдствіе христіанскаго обычая, или по принужденію родными идемъ къ духовному отцу своему испо-

вѣдовать передъ нимъ грѣхи свои, и обѣщаемъ ему исправиться впредь и воздерживаться отъ грѣховъ, только на словахъ, а не съ сердечнымъ убѣжденіемъ, — и послѣ не видно въ насъ никакихъ плодовъ покаянія: нѣтъ ни чистосердечныхъ слезъ у насъ, ни душевнаго сокрушенія, забытъ постъ, таже необузданность въ дѣлахъ и желаніяхъ и опять тоже, если не большее обращеніе къ прежнимъ дурнымъ привычкамъ, къ прежнимъ и еще большимъ беззаконіямъ и распутствамъ. Вотъ наше покаяніе! — и такъ поступаемъ мы постоянно, до конца жизни, безумствуя и увеличивая прегрѣшенія наши, слѣпотствуя и ругаясь надъ самими собою, да, страшно ругаясь и унижая собственное, благороднѣйшее человѣческое достоинство до совершеннаго упадка, потому что «*Богъ поругаемъ не бываетъ*» (Гал. гл. 6, ст. 7).

А между тѣмъ человѣколюбивѣйшій Богъ благоволилъ дать намъ покаяніе, какъ врачевство отъ всякаго грѣха, отъ всѣхъ

немощей, отъ всѣхъ страстей, отъ всѣхъ ранъ и язвъ нашей души. Покаяніе уничтожаетъ самые слѣды беззаконій. Кто вѣруетъ въ Іисуса Христа, тотъ никогда въ этомъ не усомнится. Одна грѣшница, сознавшая свои беззакоція и боясь осужденія вѣчнаго, раскаялась; она пришла въ домъ Симона Фарисея, гдѣ находился въ это время Іисусъ Христосъ и упавъ къ ногамъ Его, омывала ихъ своими слезами, потомъ, отеревъ ноги Спасителя своими волосами, возлила на нихъ муро, дала слово оставить беззакоція свои и быть цѣломудренною, и изъ жены грѣха сдѣлаться женою добродѣтельною. Раскаяваемся ли мы, подобно этой грѣшницѣ? Раскаяваемся ли, страшась осужденія вѣчнаго? Припадаемъ ли къ ногамъ Іисусовымъ? Сокрушаемся ли сердцемъ, проливаемъ ли слезы, чтобъ омыть пречистыя ноги Господа, отираемъ ли ихъ непорочностью нашихъ помышленій? Возливаемъ ли на нихъ муро милосердія и благотворенія нашего бѣд-

нымъ? Перемѣняемся ли мы изъ порочныхъ въ цѣломудренныхъ, и изъ рабовъ грѣха, стараемся ли быть близкими къ Богу? О, если бы поступали мы такъ, покаяніе наше было бы истинно, Господь принялъ бы съ благословеніемъ обращеніе наше, и—какъ грѣшницѣ истинно покаявшейся, сказалъ бы и намъ: «*Отпущаются тебѣ грѣхи твои. Вѣра твоя спасла тебя: иди въ миръ*» (Лук. гл.7, ст. 48, 50). Господи! Господи! ниспошли душѣ нашей покаяніе искренное и истинное, съ сокрушеніемъ сердечнымъ и слезами, съ совершеннымъ воздержаніемъ отъ грѣховъ, съ принесеніемъ плодовъ покаянія,—молимся Тебѣ, Всемилостивому! да исправится молитва наша, яко кадило предъ Тобою, да будетъ покаяніе наше пріятнымъ Тебѣ, да благоугождаемъ Тебѣ во всю нашу жизнь. Очисти храмъ нашъ тѣлесный, весь осквернённый, благоутробною Твоею милостію и помилуй, помилуй насъ!

III.

Іисусе сладчайшій, Свѣтъ животворящій и освѣщающій душу мою! Ты сотворилъ меня, даровалъ мнѣ жизнь, поставилъ царемъ всего видимаго на землѣ, благоволилъ дать мнѣ въ наслажденіе красоты райскія и—что же? я, неблагодарный, ежеминутно преступаю и нарушаю заповѣди Твои. Ты—Всемилосердый, Божественно-снисходительный къ беззаконіямъ моимъ, не оставилъ меня въ безднѣ погибели моей, но низшелъ съ высоты престола небесной Твоей славы, воплотился для меня, и послушный Отцу Твоему до смерти, претерпѣлъ крестъ и смерть для спасенія моего. Ты для меня принялъ на Себя человѣчество, содѣлалъ меня членомъ пречистаго Твоего тѣла, Ты сказалъ, что тотъ кто вѣруетъ въ Тебя, наслѣдуетъ жизнь небесную, вѣчную: «*Вѣруяй въ Мя, имать животъ вѣчный*» (Іоан. гл. 6, ст. 47). Господи! я вѣрую серд-

цемъ и исповѣдую устами моими, что Ты Сынъ Божій, избавитель міра, и эта вѣра, какъ свидѣтельствуетъ и Св. Апостолъ Твой Павелъ, спасаетъ. «*Аще исповѣси*, говоритъ онъ, *усты твоими Господа Іисуса, и вѣруеши въ сердце твоемъ, яко Богъ того воздвиже изъ мертвыхъ, спасешися*» (Рим. гл: 10 ст. 9). Однако же страшусь за себя: вѣра моя слишкомъ мала; потому-то и Божественныя повелѣнія Твои кажутся мнѣ тяжкими, потому-то я и нарушаю ежедневно Святыя Твои заповѣ-

и, безотвѣтный во всемъ, думаю, что могу оправдаться передъ Тобою; вѣрую, Господи! но страшусь потому, что вѣра моя такъ мала, такъ ничтожна, что скорѣе подходитъ къ невѣрію. Почему преклоняю передъ милосердымъ Твоимъ всемогуществомъ колѣна души и тѣла моего, и съ сокрушеннымъ сердцемъ, и съ горячими слезами взываю къ Тебѣ: «*Вѣрую, Господи, помози моему невѣрію*» (Марк. гл. 9, ст. 24), согрѣй вѣру мою, да будетъ она, какъ зерно горчичное,—

чтобы благоугодивъ Тебѣ истиннымъ исполненіемъ заповѣдей Твоихъ, я удостоился Божественнаго милосердія и благословенія Твоего въ день судный. Помилуй мя, Боже, помилуй мя!

IV.

Премилосердый Господи, Боже, Царю нашъ! что можемъ сказать мы, какой отвѣтъ дадимъ Тебѣ, не думая и не заботясь о дѣлахъ добродѣтельныхъ и ежедневно впадая въ бездну грѣховную? — Ты далъ намъ разумъ, который ясно видитъ пользу добрыхъ дѣлъ и вредъ происходящій отъ грѣха; Ты положилъ въ насъ совѣсть, которая совѣтуетъ, побуждаетъ насъ стремиться къ добродѣтели и избѣгать всего грѣховнаго, одобряетъ и успокоиваетъ насъ, если мы дѣлаемъ добро,—обличаетъ и терзаетъ, когда мы покаряемся грѣху; Ты насадилъ въ естествѣ нашемъ силы, кото-

рыя служатъ намъ къ исполненію добрыхъ дѣлъ; далъ законы — эти свѣтильники, которые освѣщаютъ намъ путь ко всему доброму; послалъ въ міръ Сына Своего, и Онъ есть Свѣтъ—просвѣщающій всякаго человѣка на пути спасенія,—первообразный примѣръ совершенства добродѣтелей, всесильный помощникъ въ исполненіи всѣхъ благихъ дѣлъ; Онъ проповѣдалъ Евангеліе, въ которомъ Божественно возвѣщается честь и достойное воздаяніе добродѣтельному,—стыдъ, позоръ и мученіе грѣшникамъ. О, велика, безпредѣльна, безмѣрна и безконечна, Боже, любовь Твоя къ человѣку! Для того, чтобы мы были добродѣтельны, Ты даровалъ намъ пособія и внутреннія и внѣшнія, и тѣлесныя и духовныя, и земныя и небесныя, и благодать Твоя всегда готова помогать намъ, если только воля наша будетъ клониться къ исполненію Святыхъ Твоихъ заповѣдей. Чѣмъ же можемъ мы оправдаться передъ Тобою, когда презирая всѣ Твои

побужденія къ добрымъ дѣламъ, только и думаемъ о дѣлахъ беззаконныхъ и грѣховныхъ,—въ чемъ, какая надежда намъ къ спасенію, — гдѣ, какое прибѣжище намъ грѣшникамъ? Надежда наша въ одномъ, что нѣкогда обратимся,—прибѣжище же покаяніе. Если сердце наше искренно и истинно будетъ стремиться къ обращенію, а душа къ покаянію, то Господь ниспослетъ намъ даръ обращенія и покаянія, и мы, такимъ образомъ, получивъ оставленіе грѣховъ нашихъ, и совершая потомъ нелѣностно дѣла добродѣтели, внидемъ въ вѣчное царство Господа Іисуса Христа.

V.

Господи Іисусе Христе, Свѣтъ вѣчный отъ вѣчнаго Свѣта, Богъ истинный отъ Бога истиннаго, Сынъ единородный сіяніе славы Отца! Ты, Слово воплощенное, первый предписалъ міру правила

истинной вѣры; Ты, Всесильный, укрѣплялъ учениковъ своихъ въ проповѣданіи Божественнаго Твоего слова по вселенной; Ты, Свѣтоподатель, просвѣтилъ души слушавшихъ проповѣдь Апостольскую и утвердилъ слово Твое величайшими чудесами, которыя совершила всемогущая рука Твоя; Ты, Человѣколюбецъ, Всещедрый далъ намъ недостойнымъ, небесный и безцѣнный даръ истинной вѣры, которая проливаетъ на насъ всѣ Божескія и спасительныя дары! Чѣмъ же мы грѣшные можемъ воздать Тебѣ за все это?—Знаемъ и вѣруемъ, что Ты благихъ нашихъ не требуешь, но желаешь нашего сердца: «*Даждь ми*, говоришь Ты, *сыне, твое сердце*» (Притч. 23, ст. 26). И такъ, благоговѣйно принося Тебѣ его, какъ жертву всесожженія, прошу и молю Тебя: сохрани меня отъ пагубнаго заблужденія невѣрныхъ и злочестивыхъ, сподоби каждаго изъ насъ въ часъ смерти и въ самую послѣднюю минуту жизни, засвидѣтельствовать предъ Тобою, Пресвятымъ, спаси-

тельное исповѣданіе вѣры, произнести съ твердымъ убѣжденіемъ христіанина: Вѣрую Господи, и исповѣдую, яко Ты еси Сынъ Божій, Искупитель міра! и съ полною надеждою на безконечное Твое милосердіе, предать духъ мой въ Пречистыя и Святыя Твои руки. Помилуй насъ, Боже, помилуй насъ!

VI.

Господи Іисусе Христе, Сынъ Бога живаго! Ты пришелъ на землю, чтобы вложить въ сердца наши огнь, — какъ сказалъ и Самъ: «*Огня пріидохъ воврещи на землю*» (Лук. гл. 12, ст. 49). Смиренно молю Тебя, вложи въ сердце мое огнь ревности къ вѣрѣ и добродѣтели, чтобы согрѣвшись имъ я былъ сподобленъ приносить Тебѣ все и вся—всѣ мои жертвы не только право, но и разсудно. Пошли мнѣ сердечное сокрушеніе, этотъ великій и превосходнѣйшій даръ Твой,

да руководитъ онъ меня къ вѣчному спасенію; даруй мнѣ, Господи, любовь къ умиленію и слезы покаянія, да омою ими скверны души моей и исцѣлю раны грѣховъ моихъ,—помилуй мя, Боже, помилуй мя!

VII.

Помилуй мя, Боже, помилуй мя! восклицалъ Царь Давидъ, исполненный душевнаго сокрушенія,—горько скорбѣлъ онъ о своихъ прегрѣшеніяхъ,—тяжело вздыхалъ изъ глубины сердца. Каждую ночь омывалъ онъ ложе свое слезами и мокра была отъ нихъ постель его. «*Утрудихся*, говорилъ онъ, *воздыханіемъ моимъ, измыю на всяку нощь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу*» (Псал. 6, ст. 7), причина искренняго и сердечнаго сокрушенія и глубокаго покаянія его проистекала отъ горячей любви его къ Богу. Пламенно и умилительно выражалъ онъ любовь къ Нему, верховному

Сердцевѣдцу: «*Имже образомъ*, говорилъ онъ, *желаетъ елень на источники водныя, сице желаетъ душа моя къ Тебѣ Боже! Возжада душа моя къ Богу крѣпкому, живому: когда пріиду и явлюся лицу Божію*» (Псал. 41, ст. 2, 3).—Какъ скорбѣлъ и плакалъ онъ, слыша презирающихъ Бога и говорящихъ: «*гдѣ есть Богъ твой?—Быша слезы моя мнѣ хлѣбъ день и нощь, внегда глаголатися мнѣ на всякъ день: гдѣ есть Богъ твой*» (Псал. 41, ст. 4). Какъ глубоко грустилъ онъ, сокрушался и печалился, зная, что прелюбодѣяніемъ своимъ и убійствомъ огорчилъ Господа и что грѣхъ его всегда предстоитъ предъ нимъ! «*Яко беззаконіе мое азъ знаю, и грѣхъ мой предо мною есть выну*» (Псал. 50, ст. 5). А мы, мы, несчастные отъ нашихъ беззаконій и неправдъ, мы погасили въ себѣ любовь къ Богу. Нѣтъ у насъ ни слезъ, ни умиленія, и сердца наши окаменѣли. Знаемъ, чувствуемъ, что прогнѣвляемъ Господа, Создателя нашего, преступая Его Святыя

заповѣди и не сохраняя Божественныхъ Его законовъ,—но не имѣя любви къ Нему, мы не имѣемъ и слезъ душевныхъ, и скорби сердечной. Горе, горе намъ!— и какъ мы можемъ спастися? Безъ сердечнаго сокрушенія не можетъ быть покаянія; безъ покаянія не бываетъ прощенія грѣховъ, а безъ прощенія грѣховъ нѣтъ спасенія. Сердечное сокрушеніе—это ключь отверзающій намъ двери милосердія и благоутробія Божія; оно-жертва души нашей, превосходящая всякую другую жертву и—такъ пріятна Богу, что никогда не бываетъ напрасна и безполезна,— но всегда достигаетъ своей цѣли. «*Жертва Богу,* сказалъ Пророкъ Давидъ, *духъ сокрушенъ, сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ*» (Псал. 50, ст. 19). Когда умилимся душою, смиримся сердцемъ, будемъ плакать искренно и сокрушенно, тогда молитва наша будетъ услышана и Господь исполнитъ прошеніе наше. Сердечное сокрушеніе—высокая добродѣтель; оно обращаетъ прав осудіе Бо-

жіе на милость,—умилостивляетъ Господа, когда Онъ, по множеству нашихъ беззаконій, готовъ поразить насъ стрѣлами смертными,—исцѣляетъ немощи тѣлесныя и прилагаетъ лѣтъ живота,—омываетъ душевныя нечистоты и очищаетъ душу отъ всякаго грѣха; оно восходитъ отъ земли на небо, становится передъ престоломъ Всевидящаго, молитъ Его и получаетъ исполненіе просимаго; слезы его дѣлаются крещеніемъ, очищающимъ и освящающимъ душу,—причисляютъ насъ къ сонму блаженныхъ, по словамъ самаго Іисуса Христа: «*Блажени плачущи, яко тіи утѣшатся*» (Мат. гл. 5, ст. 4). Господи! изъ глубины сердца взываю къ Тебѣ: подаждь мнѣ любовь къ умиленію, подаждь мнѣ сокрушеніе сердца и смиреніе духа,—пошли мнѣ слезы покаянія. Вѣрую Господи! помози моему невѣрію, и помилуй, помилуй мя!

VIII.

Господь нашъ Іисусъ Христосъ заповѣдалъ намъ любить враговъ нашихъ: «*Любите враги ваша*» (Мат. гл. 5, ст. 44). Самъ Онъ на крестѣ, поруганный, изъязвленный молился за враговъ своихъ: «*Отче! отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ*» (Лук. гл. 23, ст. 34). Сколько снисхожденія, кротости и милосердія въ этомъ прошеніи Сына Бога къ Богу Отцу! — и имѣемъ ли мы власть, или право, или причину не повиноваться Божественному Его повелѣнію, какъ бы не казалось оно намъ трудно и непріятно?—Человѣколюбивѣйшій Богъ промышляетъ не только о вѣчномъ спасеніи нашей души, но и о временномъ, благополучномъ состояніи нашей жизни, и желая освободить насъ отъ множества великихъ золъ, какія происходятъ отъ вражды, далъ намъ эту святую и спасительную заповѣдь: «*Любите враги ваши и благотворите*» (Лук.гл. 6,

ст. 35), — сказалъ Онъ. И какъ понятенъ, близокъ долженъ быть нашему сердцу и, наконецъ, обще извѣстенъ этотъ законъ Бога живаго! онъ не только не требуетъ объясненія, даже не заключаетъ никакого сомнѣнія. Исполненіе его, при помощи благодати Божіей, не трудно и отрадно. Если мы вѣруемъ, что Іисусъ Христосъ Сынъ Бога Небеснаго, — если вѣруемъ, что Онъ опять придетъ судить живыхъ и мертвыхъ; если вѣруемъ, что добродѣтельные возстанутъ въ наслажденіе жизни блаженной, а порочные въ осужденіе вѣчной муки,—если наконецъ вѣруемъ, что враждующіе въ сердцѣ своемъ недостойны предстать предъ Господомъ: «*Богъ бо любы есть*» (1 Іоан. гл. 4, ст. 16.), и только тѣ удостоятся видѣть Божественное Его лице и пребудутъ съ Нимъ всегда, которые отторгнутъ вражду отъ сердца своего и насадятъ въ немъ любовь,—то зачѣмъ же мы, недостойные, враждуемъ другъ противъ друга, злобствуемъ и ненавидимъ враговъ нашихъ,—

что отвѣтимъ мы Ему, Нелицепріятному, въ день судный?.... Молчимъ мы.... опустили въ страхѣ головы наши... Припадемъ же къ ногамъ милостиваго Спаса нашего Іисуса Христа и съ сокрушеніемъ, и горячими слезами воззовемъ къ Нему: Всемилостивый Господи! Владыко Человѣколюбецъ! согрѣшили, согрѣшили мы передъ Тобою! Ты, для нашего спасенія и благополучнаго состоянія нашей временной жизни, изволилъ заповѣдать намъ любить нашихъ враговъ,—мы же, искушаемые лукавымъ и несмысленные, пренебрегая Божественное и спасительное Твое повелѣніе, гонимъ, мстимъ, уничтожаемъ враговъ нашихъ. Долготерпѣливый! окажи намъ милость Твою! Многоблагоутробный! пощади немощь нашу! Клянемся Тебѣ, что будемъ всячески избѣгать вражды съ врагами нашими, будемъ любить другъ друга, какъ члены тѣла Твоего. — Господи! утверди насъ во всѣхъ заповѣдяхъ Твоихъ, умири духъ нашъ и помилуй насъ, Боже, помилуй насъ!

IX.

Когда думаю я о неблагодарности нашей передъ Господомъ и слышу голосъ Господа угрожающаго неблагодарнымъ и взывающаго: «*Соберу на нихъ злая и стрѣлы мои скончаю въ нихъ*» (Второз. гл. 32, ст. 23). Страшно становится мнѣ! ужасаюсь я и трепещу. Но когда вижу равнодушіе и безчувствіе наше къ этому величайшему грѣху: *неблагодарность*, — мною овладѣваетъ отчаяніе. Во всѣхъ другихъ грѣхахъ, мы еще, хотя и несовершенно, однако же раскаяваемся, плачемъ, исповѣдуемся, просимъ прощенія. Но въ неблагодарности—нѣтъ у насъ ни слезъ, ни покаянія, ни молитвы, ни обличенія совѣсти, ни исповѣданія. Кто отъ глубины сердечной сознается въ неблагодарности передъ Господомъ, или передъ ближнимъ своимъ? Кто изъ насъ раскаяваясь и исповѣдуясь говоритъ: я не прославилъ Господа за всѣ Его ко мнѣ

благодѣянія, я остался неблагодарнымъ передъ ближнимъ моимъ, оказавшимъ мнѣ благодѣяніе,—и все то, что даровалъ мнѣ Всемогущій, я сдѣлалъ орудіями грѣха.—Боже мой! Боже! Когда мое тлѣнное тѣло облечется въ нетлѣніе, какой дамъ отвѣтъ я тогда?—Когда, представъ предъ грозный престолъ Твой, я удостоюсь Божественнаго счастія видѣть Тебя лицемъ къ лицу, когда увижу и истинно познаю Спасителя моего Іисуса,—увижу крестъ, и раны, и терновый вѣнецъ, и оцтъ, и желчь, и копье, и ризу червленную, и язвы отъ гвоздей на рукахъ и ногахъ Его, и удары по головѣ Его, и прободеніе ребра Его, изъ котораго потекла вода, чтобъ омыть меня отъ грѣховъ, и кровь для моего спасенія,—что отвѣчу тогда я?—Что скажу я въ то время, когда убѣжденъ буду совершенно, что не только добрыми дѣлами моими никогда не славилъ я Господа за благодѣянія Его, но и воздалъ Ему зломъ за вся Его благая,—что средства

данныя къ моему спасенію, обратилъ я къ погибели моей. Что сдѣлаю тогда я? Что скажу Ему, Сердцевѣдцу?—Страшно, страшно подумать о томъ стыдѣ, о мученіяхъ совѣсти, объ отчаяніи, которыя тогда проснутся въ душѣ моей!—Великій, многоблагоутробный, всемилостивый Господи! пошли мнѣ покаяніе и обращеніе на путь правды и истины, пока еще есть время. Насади въ сердцѣ моемъ величайшую изъ добродѣтелей: благопризнательность. Господи милостивый! О, пощади, пощади меня недостойнаго! Просвѣти очи души моей и помилуй меня, Боже, помилуй меня!

X.

Какой душеполезный и спасительный примѣръ подалъ намъ почтенный Сотникъ Капернаумскій, упоминаемый въ Евангеліи! Увѣрившись, что Іисусъ Христосъ есть истинный Богъ, онъ понялъ

и позналъ, съ какою непорочностью должно приступать къ Нему. А разсмотрѣвъ жизнь и дѣла Его, почувствовалъ духовно и сердечно все свое недостоинство принять Господа. Когда было донесено ему, что Іисусъ Христосъ хотѣлъ посѣтить его, онъ, въ присутствіи народа, съ глубокою вѣрою, благоговѣніемъ и смиреніемъ палъ ницъ передъ Спасителемъ и кротко, и Богобоязненно воскликнулъ: «*Господи! нѣсмь достоинъ, да подъ кровъ мой внидеши*» (Мат. гл. 8, ст. 8). Благоговѣйный Сотникъ, сознавая свое недостоинство, не осмѣлился принять въ домъ свой Господа, въ домъ обыкновенный, сдѣланный руками обыкновенными, а мы, зная и вѣруя, по словамъ Апостола Павла: «*Иже аще ястъ хлѣбъ сей, или піетъ чашу Господню недостойнѣ, повиненъ будетъ тѣлу и крови Господни*» (Кор. гл. 11, ст. 27), мы, посредствомъ причастія Св. таинъ, дерзаемъ вводить Его внутрь души, въ домъ тѣла нашего! Сотнику обѣщаетъ Господь исцѣленіе: «*Азъ пришедъ*

исцѣлю его» (Мат. гл. 8, ст. 7), — и онъ не смѣетъ недостойно принять Его. Недостойно причащающимся Господь грозитъ болѣзнями и смертью: «*Сего ради въ васъ мнози немощни и недужливы и спятъ довольни*» (1 Кор. гл. 11, ст. 30). Однако же мы безстрашно приступаемъ къ причастію Св. таинъ. Сотникъ, передъ всѣмъ народомъ, не скрываясь, исповѣдалъ свое недостоинство,—а мы, нисколько не страшась, недостойно причащаемся, чтобы только скорѣе исполнить это великое таинство и показаться передъ людьми, что и мы христіане, и достойны Св. причастія.— Думаемъ ли мы о величіи и святынѣ этого таинства? Понимаемъ ли, судимъ ли о всей безднѣ грѣховъ, которая поглотила насъ? Не мыслимъ мы ни о первомъ, не думаемъ и о другомъ. Горе, горе намъ! «*Ядый бо и піяй недостойнѣ, судъ себѣ ястъ и піетъ*» (1 Кор. гл. 11, ст. 29). Приступая къ принятію Св. таинъ, мы приближаемся къ Богу, желая съ Нимъ сое-

диниться. А разсудили-ль мы: кто Богъ, кто-мы, и какъ непріятны Господу прегрѣшенія наши? Онъ безсмертенъ, всесвятъ, превыше всякой святости,—а мы—мы грѣшны, преступны и исполнены всѣхъ нечистотъ и беззаконій. Какъ же готовимся мы и какъ приступаемъ, нечестивые, къ соединенію съ Чистѣйшимъ и Пресвятымъ?—Очищаемъ ли души наши искреннимъ и истиннымъ покаяніемъ?—Омываемъ ли скверны и нечистоты сердецъ нашихъ горячими слезами? Приготовляемся ли должнымъ постомъ, молитвами и добрыми дѣлами?—Нисколько! Время поста, назначенное церковью на приготовленіе къ Божественному причастію, мы проводимъ въ житейскихъ заботахъ и попеченіяхъ, и нетерпѣливо дожидаемся того, какъ бы скорѣе идти на исповѣдь къ духовнику и кое какъ разсказать ему свои прегрѣшенія, что только придетъ на память; ни слезъ нѣтъ у насъ въ это время, ни сокрушеній сердечныхъ, ни глубокаго умиленія, ни искренняго рас-

каянія. И когда отецъ духовный прочитаетъ намъ молитву объ отпущеніи грѣховъ, тотчасъ же начинаемъ опять грѣшить, а утромъ дерзко, безъ сознанія своихъ недостоинствъ и безстрашно приступаемъ мы и пріобщаемся тѣла и крови Господа нашего Іисуса Христа,—о горе, горе намъ! горе намъ нечистымъ! горе намъ окаменѣлымъ! горе намъ неблагодарнымъ! Не дорожимъ мы богатствомъ благости, кротости и долготерпѣнія Божія! Приступая недостойно къ причащенію Св. таинъ, по жестокости и нераскаянному сердцу нашему, собираемъ себѣ справедливый и карающій гнѣвъ въ день праведнаго суда Божія, накликаемъ на себя разныя болѣзни, немощи и страшную смерть, и когда предстанемъ на судъ Вседержителя, что отвѣтимъ на слова Его: «*Отступите отъ Мене вси дѣлающіи неправду*» (Лук. гл. 13, ст. 27)? Трепещетъ умъ, содрогается сердце, леденѣютъ члены при мысли: что приготовляемъ себѣ мы въ этой жизни, и что ожидаетъ насъ

въ будущей?—Къ кому же обратимся и теперь мы скверные, какъ не къ Тебѣ Пречистому,—въ комъ же искать намъ и теперь очищенія отъ нечистотъ душевныхъ, какъ не въ Тебѣ, Всеочищающемъ и Всещедромъ? Знаемъ мы, что причастіе Св. таинъ необходимо намъ и для подкрѣпленія вѣры, и для добрыхъ дѣлъ, и для совершеннѣйшей жизни,—знаемъ, что безъ этаго не будемъ мы наслѣдниками вѣчной жизни.... Падемъ же, съ сокрушеннымъ сердцемъ и со слезами искренняго раскаянія, предъ Спасителемъ и Богомъ нашимъ и будемъ молить Его, да очиститъ Онъ насъ, по благости Своей и милосердію, отъ беззаконій нашихъ,—исповѣдуемъ передъ Нимъ Всевидящимъ, всѣ наши прегрѣшенія,—будемъ просить Его, чтобъ омылъ Онъ скверны душъ и сердецъ нашихъ. Посвятимъ себя посту духовно и тѣлесно, посвятимъ себя ему истинно и благоговѣйно, укрѣпимъ постъ молитвою, милостынею и Богоугодными дѣлами, поста-

раемся отторгнуть отъ нашего ума и сердца всѣ помыслы соблазновъ и обольщеній грѣховныхъ и — приступая съ вѣрою, благоговѣніемъ, страхомъ и трепетомъ къ Святѣйшему таинству причащенія, воззовемъ вмѣстѣ съ Давидомъ: «*Беззаконіе мое познахъ, и грѣха моего не покрыхъ, исповѣмъ на мя беззаконіе мое Господеви*» (Псал. 31, ст. 5). Всещедрый! Многомилостивый! Долготерпѣливый! помышляю я о днѣ страшномъ, плачу о беззаконіяхъ моихъ,—что отвѣчу безсмертному Царю въ день судный? О, не отврати лица Твоего отъ меня! Отверзи мнѣ двери покаянія, вразуми сердце мое, просвѣти умъ мой, прости всѣ мои согрѣшенія вольная и невольная и сподоби меня достойно и неосужденно причаститися Св. Твоихъ таинъ въ оставленіе грѣховъ и жизнь вѣчную. Милости Твои велики, Господи! щедроты Твои неизчерпаемы, и я, надѣясь на благоутробіе Твое, со слезами взываю къ Тебѣ: помилуй мя, Боже, помилуй мя!

XI.

Велика сила вѣры,—чудеса можетъ производить она,— безчисленна польза отъ ней. Вѣра—жизнь даетъ намъ безсмертную и царство вѣчное! «*Помилуй ны Господи, Сыне Давидовъ*» (Мат. гл. 20, ст. 31), взывали два слѣпца, преслѣдуя Господа Іисуса, когда Онъ вышелъ изъ дома князя Іаіра, гдѣ воскресилъ дочь Іаірову. «*Помилуй ны Господи, Сыне Давидовъ*»! продолжали взывать они не переставая. Вѣруете ли вы, что Я могу исцѣлить васъ?—спросилъ Іисусъ Христосъ,—слѣпые отвѣчали Ему: ей, Господи!—Господь прикоснулся къ глазамъ ихъ и сказалъ: по вѣрѣ вашей буди вамъ. И прозрѣли слѣпцы, и прославили Господа, и пошли всюду разсказывать, что Іисусъ Христосъ по вѣрѣ ихъ возвратилъ имъ зрѣніе и видятъ снова свѣтъ они. Богата и неизчерпаема благодать чудесъ Господа Іисуса Христа! Только что слѣпые получили прозрѣніе,

какъ привели ко Христу нѣмаго, глухаго и бѣснуемаго. Увидѣлъ его Господь, пожалѣлъ его и исцѣлилъ, изгнавъ изъ него и бѣса. Гдѣ же въ насъ вѣра?— Развѣ мы не также одержимы бѣснованіемъ, черезъ грѣхи и нераскаяніе наше подчинившіеся владычеству діявола?— Да, глухи мы, потому что не слушаемъ словъ Господа нашего,—нѣмы, потому что не говоримъ о добродѣтели и правдѣ, а о порочномъ и зловредномъ. А между тѣмъ Іисусъ Христосъ всюду и всѣмъ проповѣдывалъ Евангеліе царствія и обѣщая вѣрующимъ небесное и некончаемое царство,—разгонялъ тьму невѣрія и просвѣщалъ души, исцѣлялъ болѣзни и немощи плотскія, и на всѣхъ проливалъ благодѣянія и спасеніе. Господи Іисусе Христе, Сынъ Бога живаго, молимъ Тебя, сотвори и надъ нами чудеса, какъ сотворилъ Ты надъ слѣпцами и глухимъ. Просвѣти мысленныя очи души нашей, чтобы мы познали неисповѣдимую Твою силу. Отверзи слухъ ду-

ши нашей, чтобы мы ясно и вразумительно могли слышать небесное и спасительное Твое ученіе. Ты, Господи, по милосердію Своему исцѣлявшій древле всѣ болѣзни и немощи людскія, милосердствуй къ намъ грѣшнымъ и исцѣли многоразличныя страсти наши,—онѣ, вкоренившись въ насъ глубоко, губятъ, истребляютъ и уничтожаютъ всѣ благія новосажденія, какія производитъ въ сердцахъ нашихъ посѣвъ Божественнаго Твоего слова. Знаемъ и вѣруемъ мы, что Ты, многоблагоутробный и милостивый, снисходительно пріемлешь прошеніе истинно о спасеніи своемъ молящихся Тебѣ,—и со страхомъ, и сокрушеніемъ въ душѣ нашей взываемъ къ Тебѣ, какъ два слѣпца исцѣленные Тобою: Іисусе, Сыне Давидовъ, помилуй насъ!

XII.

Содрагается и нѣмѣетъ умъ, цепенѣетъ сердце, страшно становится мнѣ, когда размышляю я о несчастномъ богачѣ, упоминаемомъ въ Евангеліи! Что сдѣлалъ онъ,—за что осужденъ на такое страшное мученіе?—За то, что предавшись нѣгѣ, роскоши и всѣмъ земнымъ наслажденіямъ, онъ одинъ пользовался своимъ богатствомъ и, расточая его ежедневно на свои прихоти, не обращалъ вниманія на вопли и страданія бѣдныхъ и убогихъ,—отталкивалъ ихъ отъ себя, — невниманіемъ своимъ и жестокосердіемъ оскорблялъ ихъ и—безразсудно расточая богатство на плотоугодіе свое, не сжалился надъ бѣднымъ и страдавшимъ Лазаремъ, который будучи пораженъ болѣзнью и покрытый гнойными ранами, лежалъ у воротъ дома его облизываемый псами. Стало быть велики грѣхи того и достойны страшнаго наказанія, кто не милуетъ и

не соболѣзнуетъ о нищихъ и убогихъ.— Господь заповѣдалъ намъ любить ближнихъ и помогать имъ: «*Возлюбиши*, говоритъ Онъ, *ближняго твоего яко же самъ себя*» (Матѳ. гл. 22, ст. 39). А Евангелистъ Іоаннъ объясняетъ намъ, что ближняго должно любить не на словахъ только, а дѣломъ и истиною: «*Чадца моя!* говоритъ онъ, *не любимъ словомъ, ниже языкомъ, — но дѣломъ и истиною*» (1 Іоан. гл. 3, ст. 18), слѣдовательно, для точнаго исполненія великой заповѣди Господней, мы должны любить ближнихъ какъ самихъ себя и доказывать эту любовь къ нимъ и дѣлами и истиною; быть милосердыми къ нимъ, сострадательными, внимательными, предупреждать ихъ бѣдность и дѣлить съ ними ихъ горе, облегчая нужды ихъ и потребности, сколько позволятъ намъ возможность и средства наши. Кромѣ святой заповѣди быть милостивыми, побуждаютъ насъ къ тому и страхъ мученія, и ожиданіе воздаянія, но—болѣе всего состраданіе. Сердоболь-

ный, если видитъ человѣка страждущаго и бѣдствующаго, принимаетъ въ несчастномъ такое глубокое участіе, словно самъ страдаетъ онъ и бѣдствуетъ. И потому при встрѣчѣ съ нуждающимся и скорбящимъ, онъ не отъ страха, не отъ ожиданія наградъ, не по предписанію заповѣди, а увлекаемый своимъ добросердечіемъ, старается облегчить и нужды, и скорби бѣдствующаго, спѣшитъ раздѣлить его горе. И какъ отрадно, хорошо, радостно и сладко бываетъ на душѣ у насъ, послѣ подаянія милостыни, послѣ облегченія нуждъ и бѣдствій бѣдныхъ! И милостыня происходящая отъ добросердечія и искренности—есть милостыня истинная, чистая, святая и всегда пріятная Богу. Если мы будемъ сердечно думать о горестяхъ, бѣдствіяхъ и нищетѣ ближнихъ нашихъ и принимать ихъ искренно и горячо, будто бы сами терпѣли и нужды, и горе, и крайности, — если будемъ по возможности заботиться о несчастныхъ и облегчать ихъ скорби

и страданія, если съ радостью и чистосердечіемъ будемъ помогать тѣмъ, кто проситъ нашего вспоможенія, — повѣрьте, благодать Господа Бога осѣнитъ насъ и будетъ сопутствовать намъ во всѣхъ дѣлахъ нашихъ, — отрадно и радостно будетъ нашему Ангелу хранителю и всѣмъ небеснымъ силамъ, и благословятъ они насъ, и мы, сострадая и милосердствуя къ бѣднымъ и убогимъ, приблизимся къ Отцу и Богу небесному, какъ къ высочайшему, святѣйшему и верховному милосердію, и отверзутся намъ двери небеснаго милосердія и вѣчнаго царства Господа.

XIII.

Скажи мнѣ, Господи, кончину мою и число дней моихъ. Ужасъ объемлетъ душу мою, когда раздумываюсь я о внезапной смерти! Внезапная смерть — это мечь Божескаго гнѣва за грѣхи наши.

Въ какомъ состояніи застанетъ насъ минута смерти, въ томъ должны предстать мы и предъ нелицемѣрнаго Судію неба и земли!—И что же? мы грѣшимъ почти ежеминутно. Одинъ день проводимъ въ разгулѣ, объядѣніи и пьянствѣ; другой—въ развратѣ и прихотяхъ, во враждѣ, въ неправдахъ, въ притѣсненіяхъ и гоненіи ближнихъ. Поношенія, клеветы, осужденія, ложь, зависть, ненависть, празднословіе и сквернословіе, особенно же празднословіе, поминутно выходятъ изъ устъ нашихъ. Бываютъ ли мысли наши когда нибудь далеки гордости, славолюбія, гнусныхъ мечтаній и развратныхъ помысловъ?—Никогда! Даже въ то время, когда склоняемъ мы молитвенно колѣна передъ Господомъ, и тогда непрестанно погружаемся въ море грѣховъ и безумныхъ помышленій. А часъ смерти не далекъ и, неизвѣстно, каковъ будетъ онъ! Всѣ мы знаемъ, что смерть для каждаго изъ насъ неизбѣжна,—согрѣшая, мы надѣемся на снисхожденіе и мило-

сердіе Всемогущаго, надѣемся получить всепрощеніе чрезъ покаяніе, исповѣдь и причащеніе Св. таинъ,—тогда, передъ ожидаемою нами смертью, душа наша становится спокойна; облегчая тяжкое бремя грѣховъ покаяніемъ и исповѣдью, мы освобождаемся отъ угрызеній совѣсти о грѣхахъ нашихъ,—а пріобщившись Святыхъ таинствъ, соединяемся со Спасителемъ и Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ. Тогда въ сердцѣ нашемъ пробуждается и воскресаетъ упованіе на милосердіе Божіе, ожиданіе вѣчнаго спокойствія, надежда безсмертнаго царства, которая уничтожая грусть нашу о разлукѣ съ міромъ, утѣшаетъ насъ радостями и наслажденіемъ небесныхъ благъ и неизрѣченной Божеской славы. И нѣтъ тогда ничего скорбнаго и страшнаго для насъ, кромѣ подвига разлученія души съ тѣломъ. О, блаженъ, блаженъ тотъ, кто удостоится подобной смерти!... Но если случится смерть нечаянная, внезапная,—и застанетъ насъ среди беззаконій

и распутствъ нашихъ! Что тогда будетъ съ нами?—Страшно за человѣка, страшно!—горестна, безнадежна и душегубительна будетъ она! — несчастный, пораженный ею мгновенно, увидитъ тогда мечь изощренный, и обнаженный, и поднятый надъ головою его. Захочетъ просить помощи, но языкъ его онѣмѣетъ; вспомнитъ объ устройствѣ семейства и присныхъ, но—мысль его возмутится и замрутъ помышленія его, — пожелаетъ духовника, чтобъ исповѣдоваться ему во грѣхахъ, но—языкъ отнимется, уста закроются, и не въ силахъ будетъ онъ повѣдать беззаконія свои. Пойметъ онъ тогда, что, послѣ смерти, семьѣ своей, дѣтямъ своимъ, оставитъ только горькія и печальныя думы и воспоминанія, и это жестоко поразитъ его. Поздно поймет онъ, что умеръ не раскаявшись, и съ ужасомъ возчувствуетъ опредѣленіе страшнаго суда и казнь вѣчнаго мученія, — и возстанутъ въ немъ мрачныя возмущенія, боязнь ужасная, терзанія му-

чительныя, отчаяніе безнадежное. Всемилостивый Господи! О, да мимо идетъ насъ участь подобная, избавь насъ отъ столь тяжкаго и горестнаго осужденія! Съ искреннею и глубокою молитвою и горячими слезами взываемъ къ Тебѣ: Боже! Боже! прости прегрѣшенія наши, умилостивись къ намъ, припадающимъ къ Твоему милосердію! Избавь насъ отъ внезапной и неожиданной смерти, и сподоби окончить дни нашей жизни въ радости и упованіи на Твое Святое благоутробіе; благослови насъ предузнать часъ нашей смерти и встрѣтить ее безстрашно и спокойно, приготовясь искреннимъ покаяніемъ, исповѣдью и причастіемъ Божественныхъ Твоихъ таинствъ,— и когда предстанемъ мы предъ нелицепріятный судъ Твой, помилуй насъ, Боже, помилуй насъ!

XIV.

Кротость и смиреніе—вотъ два драгоцѣннѣйшіе камня изъ вѣнца небесныхъ добродѣтелей,—два величайшія достоинства Ангельскія, достоинства преимущественно любимыя и благословляемыя Господомъ и весьма близкія къ Его Божественному величію и благоутробію. Самъ Іисусъ Христосъ сказалъ: «*Научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ*» (Мат. гл. 11, ст. 29), и блаженъ, о, блаженъ тотъ человѣкъ, который съ умѣетъ сохранить въ себѣ Божескій даръ кротости и смиренія! такой человѣкъ есть живой образъ Іисуса Христа, потому что смотря на него, мы созерцаемъ въ немъ подобіе святѣйшаго характера Господа нашего. Кроткій и смиренный не только счастливъ собственнымъ, внутреннимъ достоинствомъ и спокойствіемъ, но и вокругъ себя онъ разливаетъ миръ, тишину, радость и спокойствіе, а слѣдова-

тельно и все окружающее его дѣлитъ съ нимъ наслажденія благородныя, тихія, чистѣйшія и благодатныя. Человѣкъ кроткій и смиренный, наслаждаясь высочайшимъ душевнымъ спокойствіемъ на землѣ, приготовляетъ себѣ, кроткою и благочестивою своею жизнью, и въ небесахъ райскія утѣшенія и спасеніе, потому что онъ осѣненъ благодатью Божіей. «*Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать*». А какъ велико и неизчерпаемо Божественное расположеніе Господа къ кротости и смиренію, видно изъ словъ Его, Вседержащаго: «Людіе, говоритъ Онъ, Я имѣю престоломъ небо и землю подножіемъ ногъ Моихъ. Рука Моя сотворила все,—во власти Моей все видимое и невидимое. Какой домъ можете создать вы достойный Меня? Какое мѣсто почитаете вы жилищемъ Моимъ и покоищемъ? На какое другое мѣсто воззрю Я достойное Моего успокоенія, кромѣ сердца смиреннаго и кроткаго, и трепещущаго словъ Моихъ».—«*И на кого воззрю*,

токмо на кроткаго, и молчаливаго, и трепещущаго словесъ Моихъ».

Но почему кротость и смиреніе такъ уважены и возвеличены передъ другими добродѣтелями? Почему они возносятъ человѣка на высоты Божественной славы и небесныхъ достоинствъ?—Потому что кротость и смиреніе покаряютъ и убѣждаютъ всѣ умственныя свободныя творенія къ повиновенію Богу, какъ къ Промыслителю о всѣхъ и о всемъ. Человѣколюбецъ Господь, по препзбытку любя человѣческій родъ, всѣмъ желаетъ спасенія, — а безъ кротости и смиренія, не можетъ быть спасенія. Всѣ мы согрѣшаемъ, и если въ насъ не будетъ кротости и смиренія, не будетъ и раскаянія. Если мы не признаемъ тяжести грѣховъ нашихъ и мерзости беззаконій нашихъ, не можемъ покаяться,—если же мы признаемся, какъ должно, тогда изчезаетъ въ насъ демонская гордость, забывается неповиновеніе заповѣди Господней прародительницы нашей Евы, и въ сердцѣ

нашемъ водворяется благодатное смиреніе о грѣхахъ нашихъ,—въ глазахъ нашихъ блестятъ слезы глубокаго раскаянія, въ душѣ воцаряется обѣщаніе исправиться, уста благоговѣйно произносятъ: *помилуй мя Боже!* А Онъ, Многоблагоутробный, видя все это, прощаетъ намъ всѣ наши прегрѣшенія. «*Жертва Богу духъ сокрушенъ: сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ*» (Псал. 50, ст. 19). Вотъ почему кротость и смиреніе—добродѣтели, болѣе другихъ уваженные и предпочтенные Господомъ,—вотъ почему они возвышаютъ человѣка до Божественной славы и райскихъ блаженствъ. Самъ Господь хочетъ, чтобы мы были мудрыми, а не безумными,—чтобъ были послушными Божественнымъ повелѣніямъ Его, а не презрителями всемогущей Его власти,—чтобы мы не были осуждены за грѣхи наши, а оправданы чрезъ покаяніе.

Тогда только мы будемъ кротки и смиренны, когда будемъ судить о предме-

тахъ и вещахъ—какъ должно когда часто будемъ размышлять о смерти, и о томъ, гдѣ суждено намъ быть послѣ смерти,— когда будемъ знать, что все, чѣмъ пользуемся мы въ этой жизни и что имѣемъ, не наше а Божіе,— когда будемъ помнить, что безъ смиренія нельзя спастись, когда, наконецъ, въ душѣ нашей запечатлѣемъ Божественныя слова Спасителя: «*Всякъ возносяйся, смирится, смиряяй же себя, вознесется*» (Лук. гл. 18, ст. 14), а въ мысляхъ будемъ имѣть примѣръ гордаго и кичливаго фарисея, и кроткаго и смиреннаго мытаря, изъ глубины души восклицавшаго: «*Боже! милостивъ буди мнѣ грѣшнику*» (Лук. гл. 18, ст. 13), и помилуй мя!

XV.

Вотъ примѣръ искренняго и истиннаго покаянія. Когда Давидъ совершилъ блудъ и убійство,—раскаяніе и смиреніе его не знали границъ. Онъ передъ всѣми

не постыдился открыться, въ 50-мъ псалмѣ, въ беззаконіяхъ своихъ, и внушивъ сердцу своему тяжесть преступленія своего, и денно и нощно раскаявался въ немъ и постоянно горевалъ о немъ мысленно: «*Яко беззаконіе мое азъ знаю,* восклицалъ онъ, *и грѣхъ мой предо-мною есть выну*» (Псал. 50, ст. 5), почему и вздыхалъ изъ глубины сердца и еженощно слезами своими и одръ свой омывалъ, и постелю свою окроплялъ: «*Утрудихся воздыханіемъ моимъ, измыю на всяку ночь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу,* (Псал. 6, ст. 7). Такъ постился онъ, что колѣна его изнемогли и все тѣло его измѣнилось: «*Колѣна моя изнемогоста отъ поста, и плоть моя измѣнися елеа ради*» (Псал. 108, ст. 24). Такъ глубоки были вздохи его, и до того истощилъ и изнурилъ онъ плоть свою, что изсохло тѣло и срослась кожа съ костями его: «*Отъ гласа воздыханія моего прильпе кость моя плоти моей*». Такъ ли приступаемъ мы къ совершенію покаянія? и есть ли изъ

насъ хоть одинъ, кто бы даже въ десятую часть понималъ и исполнялъ, подобно Давиду, таинство покаянія глубокаго и искренняго? Грустно поникаю я головою и молчу,—и горько мнѣ и за себя, несчастнаго, и за все человѣчество ....

XVI.

Апостолъ Павелъ, призывая людей къ покаянію, говорилъ: «*Се нынѣ время благопріятно, се нынѣ день спасенія*» (2 Корин. гл. 6, ст. 2). Великій постъ церковь наша опредѣлила особенно для покаянія, для воздержанія отъ грѣховъ и преуспѣянія въ добродѣтели. «*Отложимъ убо, братіе, дѣла темная, и облечемся во оружіе свѣта*» (Римл. гл. 13, ст. 12); грѣхъ—тьма, онъ такъ помрачаетъ человѣка, что совершенно овладѣваетъ имъ и творитъ то, что служитъ къ умерщвленію духовнаго человѣка. Добродѣтель — свѣтъ, просвѣщающій человѣческую мысль къ дѣламъ истинной вѣ-

ры и спасенія. «Отложимъ же убо дѣла темная, и облечемся во оружіе свѣта»: то есть, постараемся очистить себя отъ всѣхъ грѣховъ нашихъ, отъ всѣхъ страстей и беззаконій нашихъ, отъ всѣхъ дѣлъ мрачныхъ воздержаніемъ, постомъ, молитвою, цѣломудріемъ, любовью, милостынею, смиреніемъ, сокрушеніемъ, слезами, покаяніемъ и прочими дѣлами свѣтлыми и угодными Господу, тѣмъ болѣе, что великій постъ есть время самое благопріятное для душевнаго покаянія и очищенія, время самое лучшее для нашего спасенія. Дурно будетъ, если мы будемъ отлагать время спасенія нашего до послѣдующаго времени, потому что, кромѣ настоящаго времени, мы не имѣемъ другаго въ своей власти. Будемъ же бодрствовать, тѣмъ болѣе, что мы не знаемъ: «*дне, ни часа, въ оньже Сынъ человѣческій пріидетъ*» (Мат. гл. 25, ст. 13). А страшенъ будетъ день пришествія Судіи живыхъ и мертвыхъ! «*Се бо день Господень грядетъ неисцѣльный ярости и*

нѣва», въ тотъ день разбираемы будутъ всѣ наши дѣла, слова и помышленія. Что будетъ съ нами, когда Судья нелицемѣрный обличитъ и представитъ передъ нами всѣ наши грѣхи? Какой ужасъ овладѣетъ нами, когда Судья нелицепріятный, на праведнѣйшемъ Своемъ судѣ произнесетъ страшное рѣшеніе? «*Идите*, — скажетъ Царь славы, — *идите отъ меня*». Всемилостивый! Спаситель міра! Ты для насъ былъ человѣкомъ, для насъ претерпѣлъ страданія, для нашего спасенія вознесенъ былъ на крестъ и принялъ смерть, — куда же теперь Ты отсылаешь насъ, зачѣмъ отлучаешь насъ отъ Себя? Ты—свѣтъ, животъ, миръ, покой нашъ! Не отвергай насъ отъ лица Твоего святаго, помилуй насъ! Ты столько разъ миловавшій насъ по Твоему милосердію, призри на молитву, на слезы, на раскаяніе наше! Кончилось теперь время милосердія Моего къ вамъ, — скажетъ намъ неумолимый уже Судія,—не услышатся Мною болѣе

молитвы ваши,—слезы ваши теперь не нужны; — раскаяніе безполезно; теперь наступило время суда и рѣшенія: «*Идите отъ Мене, проклятіи*». Проклятые! ужасно, ужасно! Проклятые не человѣкомъ уже, но Царемъ царствующихъ и Господомъ господствующихъ,—куда мы пойдемъ тогда?—«*Идите отъ Мене, проклятіи, во огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеломъ его*» (Мат. гл. 25, ст. 41). Отлученіе отъ Бога, вѣчный огонь, жизнь адская съ діяволомъ и аггелами его... нѣтъ, ни вообразить, ни постичь, ни изобразить, ни представить невозможно, какое отчаяніе и скорби постигнутъ осужденныхъ на вѣчное мученіе!—Господи милосердый! истинно тогда не будетъ времени милости, но суду. Яви Ты намъ милость Твою нынѣ. Озари сердца наши свѣтомъ покаянія, да раскаявшись отъ всей души, до наступленія того немилостиваго времени, обратимся къ Тебѣ. Огради насъ непреоборимою силою благодати Твоей, да укрѣ-

пленные ею, сохранимъ всегда Божественныя Твои заповѣди и ходимъ неуклонно, во всю нашу жизнь, по пути добродѣтелей,—да удостоимъ тогда насъ услышать блаженный и человѣколюбивѣйшій Твой голосъ: «*Пріидите благословенніи Отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра*» (Мат. гл. 25, ст. 34). Да будетъ, Господи! о, да будетъ это!

XVII.

Приступая къ совершенію поста, какъ уста должны мы воздерживать отъ пищи, такъ и языкъ отъ лжи, клеветы, поношенія и отъ всѣхъ другихъ грѣховъ происходящихъ отъ словъ. Приступая къ посту, какъ уста свои мы отвращаемъ отъ снѣдей, такъ должны отвращать и взоры наши отъ всего, что соблазняетъ душу,—уши отъ сквернихъ и непотребныхъ слуховъ, обоняніе отъ плотскихъ

вождѣленій,—тѣло отъ всѣхъ тѣлесныхъ сладострастій,—мысль отъ всякаго лукаваго помышленія. Приступая къ посту, уничтожимъ соплетенія неправды, одѣнемъ нагаго, накормимъ алчущаго, поможемъ бѣднымъ, тогда только получимъ мы отпущеніе грѣховъ нашихъ и исцѣленіе души; въ сердцахъ нашихъ возсіяетъ лучезарный свѣтъ добродѣтели и правда наша, предъидущая предъ Господомъ, направитъ насъ на путь ведущій къ небу, и услышитъ насъ Господь, и слава Его обниметъ насъ. О, блаженны, блаженны тѣ христіане, которые всю четыредесятницу постятся постомъ истиннымъ и Богу пріятнымъ! Блаженны тѣ, которые, укрѣпившись такимъ постомъ, сподобляются быть причастниками пречистаго тѣла и крови Спасителя нашего Іисуса Христа! Блаженны, которые исполнившись Божеской славы, удостоиваются поклониться воскресшему Искупителю и Спасу нашему.

Вседержителю Господи! всѣ мы же-

лаемъ быть причастниками Твоей благодати, всѣ ищемъ этого дражайшаго дара! Просимъ и молимъ Тебя, именемъ единороднаго Твоего Сына, Господа нашего Іисуса Христа, для спасенія нашего постившагося сорокъ дней, претерпѣвшаго живоносныя страсти, на крестѣ душу Свою предавшаго, во гробъ положеннаго и воскресшаго со славою,—молимся сподобить насъ въ добромъ подвигѣ прейдти святое поприще поста и Богоугодно поклониться воскресенію Сына Твоего и Бога нашего.

XVIII.

Величайшій изъ Пророковъ Давидъ, представляя Бога всегда предъ собою, кромѣ духовной пользы, получалъ и земную и сердечную. Когда я думаю, что Господь присутствуетъ при всѣхъ моихъ дѣлахъ, то не только не падаю въ тину беззаконія и не совращаюсь съ пути

добродѣтельнаго; но сверхъ этого, упованіе на Бога, во всякой скорби моей, веселитъ сердце мое и исполняетъ радостью языкъ мой: «*Предзрѣхъ Господа предомною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся. Сего ради возвеселися сердце мое, и возрадовася языкъ мой: еще же и плоть моя вселится на упованіи*» (Псал. 15, ст. 8 и 9). Эти слова не только справедливы и истинны, но мы сами чувствуемъ и испытываемъ ихъ во время скорбей и несчастія. Обижаетъ насъ сильный, касается нашей чести, лишаетъ насъ состоянія, преслѣдуетъ и гонитъ насъ безъ всякихъ причинъ,—скорбимъ мы, сѣтуемъ, печалимся, ищемъ утѣшенія и не имѣемъ убѣжища, не находимъ заступленія. Но когда при такихъ несчастныхъ обстоятельствахъ помыслимъ, что Богъ передъ нами, видитъ и гоненіе наше и скорбь сердца нашего; когда разсудимъ, что Богъ праведенъ, всемогущь, милосердъ и знаетъ, что мы страдаемъ напрасно,—такія мысли не возродятъ ли

въ душѣ нашей упованія на Бога? Не утѣшимся ли мы, надѣясь на Его заступленіе, на Его избавленіе отъ руки оскорбляющей насъ безвинно. Такая твердая надежда успокоитъ духъ нашъ, облегчитъ болѣзни, отретъ слезы и оживитъ сердца наши. Жестоко стражду я болѣзнью; не помогаютъ мнѣ ни врачи, ни лекарства; болѣзнь усиливается, невыносимъ становится недугъ мой; ни откуда нѣтъ мнѣ утѣшенія,—наконецъ страхъ смертный поражаетъ духъ мой. Но когда при всемъ этомъ я помыслю, что Богъ передо мною и видитъ бѣдственное состояніе мое, тогда невольно взываю я изъ глубины души: Всесильный! безмѣрно Твое человѣколюбіе, безпредѣльно Твое милосердіе! Ты видишь болѣзни мои, слышишь стенанія мои, помилуй созданіе Твое и—не вмѣни мнѣ моего беззаконія!— Такое помышленіе раждаетъ во мнѣ упованіе, которое врачуетъ душу мою, облегчаетъ болѣзнь, уничтожаетъ страхъ и успокоиваетъ возмущеніе сердца моего.

Все это случается при всѣхъ горестяхъ, бѣдствіяхъ и скорбяхъ нашихъ и при всякомъ несчастіи и нуждѣ. Часто душа наша, по жестокости страданія, совершенно изнемогаетъ и приходитъ въ отчаяніе. Ничто не можетъ уже утѣшить насъ, ни любовь и ласки родныхъ, ни дружба, ни участіе знакомыхъ, ничто, ничто! Но какъ только мы представимъ себѣ, что Богъ, Которому все возможно, присущь намъ, въ сердцѣ нашемъ немедленно вселяются и радости и утѣшенія. Когда мы готовимся къ посту, или молитвѣ, или спѣшимъ облегчить участь сиротъ, или помогаемъ бѣднымъ, мы должны знать и вѣровать, что самъ Господь, Владыка и Богъ нашъ передъ нами, и видитъ и совершеніе нашего поста, и силу и чистоту нашей молитвы, и бодрствованіе наше на молитвѣ, и благодѣянія наши бѣднымъ и немощнымъ, и что Онъ, благословляя насъ въ то время, прольетъ на насъ милость Свою, исполнитъ насъ благодатію Своею, и тогда мы

ревностнѣе приступимъ къ дѣламъ добродѣтели и всѣ желанія наши посвятимъ только ей. Боже, благословляющій все доброе! воистину безмѣрна глубина человѣколюбія Твоего къ людямъ! Укажи намъ удобнѣйшій путь, по которому бы мы избѣжали грѣха и укрѣпились въ добродѣтели. Мы вѣруемъ и помнимъ, что во всѣхъ бѣдствіяхъ, горестяхъ, нуждѣ и несчастіяхъ и во всѣхъ обстоятельствахъ жизни нашей, Ты присутствуешь одесную насъ и знаешь все, помози намъ, не оставляй насъ, и помилуй насъ!

XIX.

Память праведнаго съ похвалами. Добродѣтельный, какъ финикъ процвѣтетъ и какъ кедръ ливанскій умножится. Сокровища пріобрѣтенныя имъ подвигами вѣры—неизъяснимы, свѣтлы и чисты. Слава его переживаетъ всѣ превратности. Изъ развалинъ, рукою времени взгроможденныхъ, добродѣтель исходитъ еще

въ прелестнѣйшемъ и чистѣйшемъ блескѣ. Въ вѣчномъ мракѣ изчезаютъ и замыслы тщеславные, и намѣренія честолюбивыя, и пронырства хитрыя, и завоеванія гибельныя,—но внушеніе вѣры, но благодѣтельное употребленіе богатствъ, но святая расточительность милосердія, но благородныя пожертвованія и самоотрѣченіе: такія подвиги увѣковѣчиваются сіяніемъ неугасаемымъ. Для людей, которые съ чистою совѣстью проходили тернистые пути жизни, наслаждались почестями съ умѣренностью,—обладали дарами счастія, не прилѣпляясь къ нему сердцемъ, и вкушали невинныя удовольствія, не предаваясь бурѣ страстей,—для такихъ людей часъ смертный есть начало лучшей жизни, а гробъ отверстый подъ ногами ихъ,—колыбель безсмертія. Тихъ, отраденъ и успокоителенъ переходъ добродѣтельнаго отъ жизни къ смерти, прекрасно будущее его, свѣтла и отрадна загробная его жизнь. — А грѣшный!—не говоря уже о томъ, что онъ

своими беззаконіями приготовляетъ себѣ горькое и страшное будущее,—на землѣ,—что ожидаетъ его на землѣ передъ смертью? — Какъ разлучается онъ съ жизнью?

Не возьметъ онъ съ собою никакихъ сокровищъ, скопленныхъ его нечестіемъ и которымъ ввѣрилъ онъ душу свою,— наступаетъ предсмертный часъ—и вотъ, среди печальныхъ усилій, глаза его останавливаются, черты искажаются, лице обезображивается, блѣдныя его уста сами собою раскрываются, онъ трепещетъ, содрагается душою . . . Наступилъ послѣдній мигъ борьбы, и злополучная душа его, съ безотраднымъ сожалѣніемъ исторгшаяся изъ этого тѣла скудельнаго, *одна* предстоитъ передъ лицемъ грознаго Судіи . . . . Страшно! Страшно! . . . Къ Тебѣ, къ Тебѣ, о Боже! должны мы прибѣгать. Творецъ! спаси насъ на этомъ бурномъ океанѣ міра, гдѣ такъ много свирѣпствуетъ вѣтровъ, гдѣ такъ много скалъ потаенныхъ; буря грозитъ намъ,

волны обхватываютъ насъ; искуство безполезно, сила цѣпенѣетъ. О Господи! ужели око Твое, всегда наблюдающее праведныхъ, отклонится отъ насъ? — Міръ увлекаетъ насъ, потокъ его насъ уноситъ, привычка владычествуетъ надъ нами, все ополчилось противъ насъ. Отецъ! оставишь ли дѣтей беззащитныхъ?—Ты уже не разъ спасалъ насъ,—доверши же трудный подвигъ нашего спасенія. Болѣе всего, Творецъ! не скрывай отъ взора нашего опасности, да возбуждаетъ она неусыпность нашу и да не воздремлемъ мы на лонѣ мнимаго спокойствія. Святые Твои, прошедъ многотрудное поприще, содрагались сердцемъ своимъ; одушеви насъ, Господь! такою же боязнью, да не будетъ она никогда праздною, да устремляетъ насъ къ непрестанной дѣятельности, пока не достигнемъ мы благодатнаго предѣла вѣчности, и помилуй, помилуй насъ, Отецъ и Господь!

XX.

«*Отче Мой, аще возможно есть, да мимо идетъ отъ Мене чаша сія*» (Матѳ. гл. 26, ст. 39), такъ молился Іисусъ въ саду Геѳсиманскомъ. Этотъ текстъ доставляетъ намъ назидательный взглядъ на молитву, и такую молитву, какую показываетъ намъ примѣръ Христа. Мы должны молиться Святому, Триипостасному Господу; должны приближаться къ Превѣчному нашею молитвою,—но какъ исполняемъ мы эту заповѣдь Божію?—Многіе ли изъ насъ молятся вообще?—А изъ тѣхъ, которые молятся, многіе ли дѣлаютъ это въ томъ духѣ, и въ томъ смыслѣ, въ какомъ это должно дѣлаться?!.... Лежа на одрѣ болѣзни, подвергаясь опасности лишиться милыхъ нашему сердцу жены, сына или дочери; терпя недостатокъ въ первыхъ потребностяхъ жизни, или страдая отъ другихъ несчастій,—мы, можетъ быть, и вздумаемъ помолиться, но—какъ молим-

ся и тогда?—Горестнымъ, отчаяннымъ сердцемъ хотимъ мы взять небо приступомъ, хотимъ исторгнуть отъ Господа исполненіе молитвы своей, и—если это неудается, то, ничтожные черви праха, мы готовы назвать Бога любви—Судьею неправеднымъ!!.... Но съ такимъ ли жаркимъ усердіемъ молимся мы о спасеніи душъ нашихъ, о небесной помощи для благочестивой и спасительной перемѣны въ жизни? Заботимся ли мы болѣе всего о царствіи Божіемъ въ насъ и—воздаемъ ли благодарственныя хвалы Богу за то временное счастіе, которое Онъ посылаетъ намъ?—Ахъ! изъ сотни, изъ тысячи молитвъ, можетъ быть только одна возсылается Богу о небесныхъ благахъ, между тѣмъ какъ остальныя заключаютъ въ себѣ необузданныя желанія земныхъ сокровищъ.... Взгляните на Іисуса Христа, друзья мои, Онъ—Творецъ неба и земли, Онъ—принявшій на Себя для блага падшаго человѣчества—образъ человѣческій, Онъ повергается

во прахъ и молится! А мы,—какъ мы дѣлаемъ это? Склоняемъ ли во время молитвы колѣна передъ Богомъ? О! если бы мы дѣлали это,—если бы входили въ сѣнь свою и падали на колѣна, чтобы смиренно приблизиться къ Богу молитвою!—«Да! скажутъ нѣкоторые изъ насъ, — мы молимся Богу ежедневно утромъ и вечеромъ». Хорошо, если вы дѣлаете такъ, но дѣлаете ли вы это съ тѣмъ пламеннымъ и глубокимъ благоговѣніемъ, съ какимъ Христосъ учитъ насъ молиться? не одними ли устами молитесь вы? молитесь ли вы также и мыслями вашими; или онѣ блуждаютъ у васъ въ разныхъ сторонахъ? О! если бы вы могли отвѣчать и на это: *да!*

И какъ молился Господь нашъ? — «*Отче Мой*, говорилъ Онъ, *аще возможно есть, да мимо идетъ отъ Мене чаша сія»!* — Какая же была это чаша? — Это была чаша гнѣва Божія на грѣхи людей, всѣхъ людей—отъ Адама до послѣдняго человѣка, который долженъ родиться на

землѣ! Этотъ гнѣвъ, раздѣленный на милліоны существъ уже отжившихъ, и милліоны другихъ, которые еще должны жить, этотъ гнѣвъ Христосъ долженъ былъ взять на Себя, во всей его угнѣтающей тяжести, долженъ былъ осушить эту горькую чашу до послѣдней капли!—О! чувствуемъ ли мы ужасное, безъимянное бремя, которое въ эту минуту должно было пасть на душу Іисуса? Онъ трепеталъ, унывалъ духомъ, капли кроваваго пота катились по челу Его, и Онъ говорилъ: «*Аще возможно есть, да мимо идетъ отъ Мене чаша сія*». Не отъ того, чтобъ Онъ пожалѣлъ о совершаемомъ Имъ дѣлѣ спасенія; не отъ того, чтобы желалъ отречься отъ него; нѣтъ, изъ доброй воли взялъ Онъ его на Себя, — но непомѣрная тяжесть неописаннаго душевнаго страданія овладѣла на одну минуту человѣческимъ сердцемъ Его и навела на Него такой трепетъ и уныніе, что повергшись во прахъ, Онъ молилъ: «Если возможно, да мимо пройдетъ чаша сія».

Это было невозможно и молитва Его не была услышана, но Отецъ послалъ Ангела для подкрѣпленія Его. Видите, други, милосердіе Господа! — Когда мы въ тоскѣ и въ тяжкихъ страданіяхъ взываемъ къ Нему и молимъ: «Если возможно, Господи, да мимо пройдетъ насъ этотъ часъ»! И не имѣя возможности исполнить молитвъ нашихъ, Онъ посылаетъ намъ Ангела силы и утѣшенія, чтобъ оживить наши унылыя души. — Но мы должны молиться съ такимъ же преданіемъ себя въ волю Его, съ какимъ молился Христосъ; съ такою же довѣренностью, какъ Онъ, мы должны говорить: «Отецъ мой! если не возможно, чтобы чаша прошла мимо, то я выпью ее, да будетъ Твоя Святая воля». Если мы такъ будемъ молиться, друзья мои, то конечно почувствуемъ утѣшительное подкрѣпленіе. Господь нашъ не желаетъ насъ мучить, нѣтъ — если любовь Его посылаетъ намъ страданія и мы, съ довѣренностью предаемъ себя Его премудрому и всеблаго-

му промыслу, то безъ всякаго сомнѣнія Онъ пошлетъ намъ утѣшеніе,—прольетъ цѣлебный бальзамъ на наши болѣзненныя раны.

Въ заключеніе всего скажу, если мы въ *здѣшней* жизни не будемъ искать всею душою Посредника, принимающаго за насъ гнѣвъ Божій на Себя, то должны будемъ *тамъ* сами осушить всю полную чашу этого гнѣва, и тогда горе, горе намъ! *Тамъ* не будетъ болѣе помилованія!....

—

БЕСѢДА

О ПРИЧАЩЕНІИ СВ. ХРИСТОВЫХЪ ТАИНЪ.

Глаголю же вамъ, яко не имамъ пити отнынѣ отъ сего плода лознаго, до дне того, егда е пію съ вами ново во царствіи Отца Моего (Матѳ. гл. 26, ст. 29).

Этими словами Господа нашего Іисуса Христа Евангелистъ заключилъ повѣствованіе о Святой Его вечери, которую церковь возобновляетъ и будетъ возобновлять до конца временъ—въ таинствѣ причащенія. Святая вечеря, по своему собственному существу, наполняетъ сердце страхомъ и умиленіемъ; но эти чувства возвышаются еще болѣе обстоятельствами, которыя сопровождали ее.

Уже около трехъ лѣтъ Господь Іисусъ Христосъ проповѣдывалъ въ землѣ Іудейской новыя Божественныя истины. Во все это время взоры враговъ неутомимо преслѣдовали Его,—наконецъ приближился часъ опредѣленный для пагубнаго успѣха ихъ ненависти и злобы. Съ самаго начала Онъ избралъ Себѣ друзей немногихъ, но во все время и во всѣхъ случаяхъ остававшихся Ему вѣрными. Съ этими друзьями Онъ желалъ быть вмѣстѣ въ послѣдній разъ, — въ тотъ самый вечеръ, въ который преданъ въ руки враговъ Его. Онъ зналъ все, что будетъ съ Нимъ. Онъ зналъ, что раздѣляетъ въ послѣдній разъ трапезу съ тѣми, которые, слѣдуя за Нимъ на поприщѣ Его подвиговъ, были свидѣтелями каждой Его скорби и участниками во всѣхъ тихихъ и уединенныхъ минутахъ Его жизни. Онъ зналъ, что враги черезъ нѣсколько часовъ разлучатъ Его съ этими друзьями; а на другой день обвинятъ передъ народомъ, какъ злодѣя.

Возлегши у трапезы, Онъ сказалъ имъ съ чувствомъ нѣжнѣйшей любви: «*Желаніемъ возжелѣхъ сію пасху ясти съ вами, прежде даже не пріиму мукъ*» (Лук. гл. 22, ст. 15). Насладившись въ послѣдній разъ Своею любовью къ нимъ посреди ихъ и оставивъ воспоминаніе о Своей смерти, Онъ возвѣстилъ торжественно разлуку съ ними въ исполненныхъ глубокаго умиленія словахъ: «*Глаголю же вамъ, яко не имамъ пити отнынѣ отъ сего плода лознаго, до дне того, егда е пію съ вами ново во царствіи Отца Моего*».

Эти слова произнесенныя Господомъ Іисусомъ Христомъ въ то время, когда Онъ ожидалъ мученій, когда приготовлялся къ смерти, и когда видѣлъ въ предѣлахъ вѣчности соединеніе съ Своими учениками,—напоминаютъ намъ, у Его трапезы, о тѣхъ же предметахъ.—Такъ! приступая къ причащенію Святыхъ таинъ, мы можемъ и должны почитать его спасительнымъ для насъ приготовленіемъ къ христіанской борьбѣ

съ неизбѣжными несчастіями жизни—и еще болѣе неизбѣжною смертью.—Не думайте, что подобное чувство, столько приличное настоящей торжественной минутѣ,—можетъ помрачить ее унынiемъ. Человѣкъ добродѣтельный и разумный часто самъ собою устремляетъ взоры къ великой эпохѣ своего бытія—къ смерти. Богъ уже счелъ наши дни, и это число не уменьшится отъ приготовленія къ послѣднему изъ нихъ. Напротивъ, отъ него зависитъ вся надежда провести ихъ съ меньшею суетностью и съ большею отрадою. И такъ, представивъ себѣ, что пріобщаемся Святыхъ таинъ уже въ послѣдній разъ,—обратимъ вниманіе на спасительныя слѣдствія подобнаго приготовленія къ смерти.

1) Приготовленіе это состоитъ въ непрерывной дѣятельности и возвышеніи тѣхъ чувствъ, въ какихъ человѣкъ добродѣтельный желалъ бы умереть. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ желалъ бы умереть въ чувствахъ благочестиваго упованія

на Бога, и въ мирѣ, въ любви ко всѣмъ своимъ братьямъ на землѣ!—Причащеніе Святыхъ таинъ разкрываетъ именно эти чувства во всякомъ сердцѣ, которое приступаетъ со страхомъ и вѣрою. Причащеніе Святыхъ таинъ есть жертва самаго глубокаго благоговѣнія, къ какому человѣкъ способенъ. Съ нимъ необходимо соединяется живѣйшая благодарность къ Богу, Отцу Небесному, Который, въ безпредѣльной благости и милосердіи,—смертью Своего Сына возвратилъ всему роду человѣческому потерянное блаженство и надежду его. Въ немъ посвящаемъ Богу свою душу,—въ немъ предаемъ Богу сами себя и свой жребій,—Богу, Которому служимъ и Котораго любимъ,—Богу—Хранителю, на Котораго уповаемъ твердо. «*Къ Тебѣ Господи, воздвигохъ душу мою*» (Псал. 24, ст. 1).—«*И вниду къ жертвеннику Божію, къ Богу, веселящему юность мою*» (Псал. 42, ст. 4).—«*Множествомъ милости Твоея вниду въ домъ Твой, поклонюся*

ко храму святому Твоему въ страсѣ Твоемъ» (Псал. 5, ст. 8).

Сердце, обращающееся съ подобными чувствами къ Богу, не можетъ не согрѣваться также любовью къ ближнимъ. Причащеніе Святыхъ таинъ не только возноситъ насъ къ Богу, но и соединяетъ всѣхъ другъ съ другомъ. Въ эту торжественную минуту изчезаетъ всякое различіе состояній. Мы собираемся въ одинъ кругъ, передъ лицемъ небеснаго Отца, какъ Его дѣти и братья между собою. И тотъ, кто питаетъ въ сердцѣ ненависть, вражду, злобу, — тотъ не смѣетъ приступить къ Его Святой трапезѣ. Въ этомъ священномъ, тѣсномъ, братскомъ кругу, все дышетъ миромъ, согласіемъ и любовью. «*Аще убо принесеши даръ твой ко олтарю, и ту помянеши, яко братъ твой имать нѣчто на тя: остави ту даръ твой, и шедъ прежде смирися съ братомъ твоимъ, и тогда пришедъ принеси даръ твой*» (Матѳ. гл. 5, ст. 23, 24). Скажите, какія чувства въ человѣкѣ и христіанинѣ, могутъ быть вы-

ше подобныхъ чувствъ благоговѣнія къ Отцу вселенной,—благодарности къ милосердому Искупителю рода человѣческаго,—снисхожденія и любви ко всѣмъ братьямъ? Не съ этими ли чувствами добродѣтельный желалъ бы жить,—и не въ этомъ ли расположеніи духа можетъ найти спокойствіе и мужество въ минуту смерти?—Но какъ мучительно, какъ ужасно состояніе человѣка, у котораго, при невольномъ переходѣ въ другой міръ, чувства отравлены воспоминаніемъ непрощенныхъ обидъ,—сердце разтерзано ненавистью къ ближнему,—и душа, въ удаленіи отъ Бога, неспособна къ благоговѣнію и надеждѣ на Него!

Посмотрите на смерть Господа Іисуса Христа, о которой въ особенности напоминаетъ настоящая минута. Вы видите, — Онъ, среди самыхъ жестокихъ мученій, пребываетъ спокоенъ съ величіемъ,—не колеблется въ чувствахъ, которыя наполняютъ Его,—сохраняетъ невозмущаемую ясность духа, какою мо-

гутъ озарять—совершенная преданность Богу и безпредѣльная любовь къ людямъ!

Вы слышите,—Онъ во первыхъ, соболѣзнуетъ о гибели своего несчастнаго отечества, потомъ, когда былъ уже распятъ, обращается съ утѣшеніемъ къ оплакивающей Его Матери, и наконецъ прощаетъ, молится съ состраданіемъ за тѣхъ, которые проливаютъ кровь Его.— Послѣ всѣхъ этихъ доказательствъ любви къ людямъ,—вы видите,—Онъ возносится чувствами къ Богу,—и, съ упованіемъ на Него, предаетъ Ему духъ Свой: «*Отче! въ руцѣ Твои предаю духъ Мой*» (Лук. гл. 23, ст. 46; Псал. 30, ст. 6). Можетъ-ли смерть почитаться несчастною, среди самыхъ жестокихъ мученій, если умирающій принимаетъ ее съ мужествомъ столь величественнымъ? О, если бы мы, въ послѣднія минуты жизни, могли разстаться съ землею съ подобнымъ миромъ въ душѣ, съ подобнымъ спокойствіемъ всѣхъ чувствъ, съ подобнымъ

возвышеніемъ къ Богу и столько же всеобъемлющею любовью къ ближнимъ!

И если желаете встрѣтить смерть въ подобномъ расположеніи духа, — не теряйте лучшаго времени для этого желанія. Оживите, когда ваше сердце еще способно, и не давайте гаснуть въ немъ ни на минуту тѣмъ благотворнымъ чувствамъ, отъ которыхъ зависитъ счастливый конецъ жизни. Бойтесь гибельной надежды, что въ часъ приближающейся смерти, можете дать себѣ расположеніе, какое тогда нужно и прилично. Въ изнеможеніи разрушающейся жизни, подъ бременемъ болѣзней и страданія, — поздны усилія, къ которымъ не привыкли, — поздно обращеніе къ добродѣтелямъ, которымъ не положено основанія прежде. «*Въ то время будетъ довольно*, болѣе нежели довольно для нашихъ силъ, *одного зла*», — борьбы съ смертью. Тогда будетъ поздно покрывать себя бронею геройства или ризою святости, — если прежде не помышляли ни о томъ,

ни о другомъ. Тогда новыя чувства, какія желали бы раскрыть въ себѣ,—новый языкъ, какимъ желали бы говорить,—будутъ трудны, невозможны! Это будетъ одно только насиліе сердцу, уже неспособному къ нимъ. Только добродѣтели, основанныя въ дни цвѣтущія и испытанныя долгимъ временемъ, возвышаютъ сердце до чувствъ, въ которыхъ оно можетъ встрѣтить смерть съ величіемъ спокойствія. Настоящая минута въ особенности призываетъ насъ къ этѣмъ истинамъ и раскрываетъ для нихъ сердце! Освятимъ же свое причащеніе такимъ расположеніемъ духа, — приступимъ къ трапезѣ Господней съ такими чувствами, въ какихъ желаемъ услышать страшный зовъ смерти.

II. Причащеніе служитъ приготовленіемъ къ смерти спокойной, потому что оно полагаетъ основаніе нашего мира съ Богомъ. Мы видѣли, какъ важно для насъ имѣть чувства, съ какими желали бы кончить жизнь свою здѣсь, но еще ос-

тается вопросъ важнѣйшій объ отчетѣ, съ какимъ можемъ явиться передъ великимъ Судьею, ожидающимъ насъ тамъ — въ другомъ мірѣ. Въ обыкновенномъ вихрѣ жизни легко забыть объ этомъ. Дѣла и суетность, которыми увлекаемся, — самолюбіе, которое льститъ обманчивыми цвѣтами невинности и добродѣтели;—въ подобномъ очарованіи многіе, среди самаго порока, не безпокоятся порокомъ. Но наступаетъ часъ смерти, и мысли перемѣняются; приближается судъ Божій, и забытыя преступленія являются, какъ ночныя привидѣнія; воображеніе оживляетъ ихъ грозный видъ;—страхъ, до сихъ поръ дремавшій, пробуждается и возмущаетъ сердце. Отъ этого, при мысли о будущемъ, невидимомъ мірѣ, то мученіе, которое такъ часто видимъ на лицѣ умирающаго! Отъ этого разныя средства, къ которымъ суевѣріе прибѣгаетъ для утоленія тоски смертной! Душа, въ смятеніи страха, устремляется подъ всякій слабый щитъ, который не мо-

жетъ укрыть ее,—ищетъ спасенія тамъ, гдѣ нѣтъ никакой помощи! Въ этомъ рѣшительномъ случаѣ самый дерзкій умъ смиряется, самое гордое сердце унижается отчаяніемъ! И тотъ, кто въ цвѣтѣ жизни совсѣмъ не помышлялъ о своемъ спасеніи,—приближаясь къ концу ея, можетъ быть увидитъ себя въ подобномъ страшно-горестномъ состояніи!

Благодать, возвѣщаемая въ Евангеліи, есть единственное средство противъ этихъ ужасовъ;—она представляетъ, обѣщаетъ раскаявающемуся спасеніе въ ходатайствѣ Господа Іисуса Христа. Святое причащеніе есть таинство, въ которомъ именно изображается эта благодать, обѣщанная роду человѣческому.—«*Сіе есть тѣло Мое, еже за вы ломимое, сія есть кровь Моя, яже за вы и за многія изливаема во оставленіе грѣховъ*» (Матѳ. гл. 26, ст. 26, 27 и 28).

Въ этомъ таинствѣ нисходитъ свыше лучь надежды и утѣшенія. Евангеліе увѣряетъ, что Богъ въ своемъ правосудіи

не желаетъ намъ гибели. Его милосердіе открыто всѣмъ, кто прибѣгаетъ къ Нему съ раскаяніемъ и вѣрою. — И достойное причащеніе Святыхъ таинъ открываетъ благости Божіей путь къ нашему сердцу, потому что приступая къ трапезѣ Господней мы уже изъявляемъ искреннюю покорность тѣмъ условіямъ, на которыхъ помилованіе обѣщано роду человѣческому.

Я не говорю, что для услажденія горькой смертной чаши довольно причаститься Святыхъ таинъ, не говорю этого даже тѣмъ, которые приступаютъ къ нимъ со всѣмъ благоговѣніемъ и со всѣми достойными ихъ чувствами. Давая христіанамъ надежду, такъ далеко простирающуюся, я льстилъ бы надеждою ложною. Хотя бы вы горѣли чувствами самыми святыми въ настоящую минуту, однакоже только въ настоящую минуту, — еще нѣтъ надежды на примиреніе съ Богомъ. Оно несомнѣнно только тогда, когда подобныя чувства будутъ согрѣвать серд-

це во всѣхъ его движеніяхъ и освѣщать всѣ дѣла вашей жизни. Однако же можете быть увѣрены, что причащеніе Святыхъ таинъ достойное, открываетъ путь къ этой великой надеждѣ. Оно есть первое основаніе того душевнаго состоянія, которое, примиряя съ Богомъ, услаждаетъ часы смерти. Оно есть первый шагъ на томъ спасительномъ поприщѣ, на которомъ подвиги наконецъ легки и вѣнчаются блаженствомъ. Оно есть начало стези праведнаго, — оно есть утро того свѣта, который, сіяя безпрестанно большимъ сіяніемъ, переливается въ день полный, совершенный. Причащеніе есть священный обѣтъ передъ Богомъ, что уже не будемъ предаваться пороку и пагубнымъ наслажденіямъ міра. Оно есть священный обѣтъ передъ Нимъ, что истребимъ въ себѣ всѣ злыя чувства и склонности—до скрывающихся въ самой глубинѣ сердца. Оно есть священный, торжественный обѣтъ передъ Его лицемъ, что возвращаемся къ Нему и къ добро-

дѣтели съ твердымъ упованіемъ, что въ Своемъ милосердіи Онъ отпуститъ намъ слабости, омытыя слезами нашего раскаянія и кровью Іисуса Христа. — Если обѣщаній, данныхъ вами въ эту минуту, вы не будете нарушать во всю жизнь; то непзвѣстный вамъ будущій міръ не представитъ во время смерти ничего ужаснаго. Пока остаетесь здѣсь, для васъ довольно видѣть печать Божіей благости и милосердія на всемъ твореніи, чтобы вѣрить Его любви къ вамъ и утѣшаться ею въ горестяхъ непзбѣжныхъ. Но когда кончите добродѣтельное поприще, можете съ надеждою обратить взоръ къ Тому, Которому приносили жертву достойную,—и сказать: «*Вѣмъ, Ему же вѣровахъ*» (2 Тимоѳ. гл. 1, ст. 12).—«*И пойду посредѣ сѣни смертныя, и не убоюся зла, яко Ты со мною еси, жезлъ Твой и палица Твоя, та мя утѣшиста*» (Псал. 22, ст. 4).

III. Причащеніе Святыхъ таинъ приготовляетъ смерть блаженную, — тѣснѣйшимъ союзомъ, въ которомъ христіанинъ

запечатлѣвается ими съ своимъ Спасителемъ—Христомъ. Этотъ союзъ, благотворный безчисленными слѣдствіями, въ особенности благотворенъ услажденіемъ горькой части смертной. Величіе небесное слишкомъ разительно для человѣка, изнемогающаго въ борьбѣ со смертью.— Благоговѣніе, которымъ оно наполняетъ душу, потрясаетъ ее въ тоже время страхомъ. Сердце самое чистое не можетъ перенести такого чувства. Но когда нашъ Ходатай и Заступникъ съ нами, это величіе является въ кроткомъ сіяніи любви, которая призываетъ насъ къ своему блаженству. Какое побужденіе желать, искать, исполнять все, что основываетъ союзъ съ этимъ великимъ Ходатаемъ, всемогущимъ Заступникомъ и другомъ, во всякомъ несчастіи жизни, и въ особенности въ страшный часъ смерти! И ничто такъ тѣсно не соединяетъ съ Нимъ, какъ принятіе Святыхъ таинъ. Оно есть клятва, которую мы даемъ, служить Ему во всю жизнь и не удаляться отъ

Его знамени до самой смерти. Если подобною клятвою совершенно предаемъ Ему свой жребій, то вмѣстѣ получаемъ столько же несомнѣнную надежду, что Онъ будетъ для насъ и Наставникомъ въ жизни и Хранителемъ въ смерти. Причащеніе Твоимъ тайнамъ, дерзаю сказать, Господи Боже! даетъ намъ право взирать на Тебя съ такою надеждою, какую позволяютъ только взаимныя обязательства, при вѣрности съ одной стороны, не оставляющія сомнѣнія въ покровительствѣ съ другой.

Мысль, что Господь Іисусъ Христосъ, сошедши на землю, облекался въ слабую человѣческую природу, служитъ для насъ ободреніемъ, котораго мы не смѣли бы ожидать отъ другихъ небесныхъ существъ, — самыхъ милосердыхъ и благихъ, но только небесныхъ. Въ минуты, для насъ слишкомъ тягостныя, мы можемъ прибѣгать съ большею надеждою на состраданіе и помощь къ Тому, Которому не были чужды ни скор-

би жизни, ни ужасы смерти. Въ приведенныхъ изъ Евангелія словахъ мы видимъ, съ какимъ твердымъ спокойствіемъ Господь ожидалъ приближающихся мученій. И сердце, любящее искренно такого великаго Учителя и Владыку, можетъ почерпнуть въ источникѣ этой любви хотя нѣсколько капель подобнаго душевнаго величія. Но мы забываемъ о столь совершенномъ образцѣ, слѣдуемъ за толпою безразсудныхъ, увлекаемся потокомъ свѣта, и сами унижаемъ свой духъ и сердце, сами бываемъ виновны въ рабской привязанности къ жизни и въ непобѣдимомъ страхѣ смерти. Имѣйте всегда Господа Іисуса Христа передъ глазами, слѣдуйте по Его стопамъ во всѣхъ своихъ путяхъ, какъ обѣщаетесь передъ Его Святою трапезою, и Онъ пошлетъ вамъ въ минуту смерти лучь Своего Божественнаго величія. Его духъ сойдетъ на васъ, какъ «*милоть*» Иліи на избраннаго ученика, и вы, подобно Елисею, можете «*ударить и раздѣлить воды*»

(4 Царств. гл. 2, ст. 14).—Мы вѣримъ, что нашъ Спаситель нынѣ царствуетъ въ мірѣ вѣчномъ. Эта истина ведетъ къ другой, то есть, что гробъ не закрываетъ Его послѣдователямъ пути къ Нему. Онъ для насъ сошелъ во гробъ, чтобы разогнать тьму, которая, по нашимъ слабымъ понятіямъ, висѣла надъ этимъ страшнымъ жилищемъ. Онъ въ короткое время возсталъ изъ гроба, чтобъ увѣрить насъ, что въ этомъ мрачномъ и тѣсномъ жилищѣ Его послѣдователи заключены быть не могутъ. Онъ Своею смертью побѣдилъ и смерть, и того, который повелѣвалъ ею; Онъ говоритъ намъ: «*Яко Азъ живу, и вы живи будете*» (Іоан. гл. 14, ст. 19).—Однимъ словомъ, если будемъ вѣрны въ любви къ Нему, обѣщаемой нынѣ передъ Его Святою трапезою; то эта любовь откроетъ въ нашей душѣ безчисленныя истины, изъ которыхъ каждая послужитъ къ услажденію горькой смертной чаши. Сюда въ

особенности принадлежитъ великая истина, что—

IV. Причащеніе Святыхъ таинъ приготовляетъ намъ спокойную смерть—живѣйшею и радостнѣйшею надеждою безсмертія.—Это таинство, друзья мои, благотворно для обоихъ міровъ. Приступая къ нему, вы должны обращать вниманіе на будущія ваши дѣла на землѣ, какъ жители ея. Ничто не позволяетъ совершенно пренебрегать здѣшней жизни. Напротивъ, вы должны основывать связи новыя и сохранять свято прежнія во всякомъ случаѣ, гдѣ добродѣтель предписываетъ ихъ, съ вашими друзьями и со всѣми окружающими васъ людьми—братьями. Но въ тоже время вы не должны почитать себя жителями только земли,—вы вмѣстѣ граждане страны небесной! Устремляйте взоры къ этому истинному, высшему, блаженнѣйшему отечеству, съ которымъ соединяетесь узами самыми священными, — туда, гдѣ хранятся всѣ утѣшенія, всѣ надежды озаряющія жизнь

и услаждающія смерть! Если будете соединять эти размышленія съ причащеніемъ; то оно возвыситъ душу надъ всѣмъ подсолнечнымъ. У трапезы Господней вы нѣкоторымъ образомъ присоединитесь къ сонму существъ небесныхъ,—здѣсь вы свидѣтельствуете о своемъ желаніи быть вмѣстѣ съ ними вѣчно, за тою завѣсою, которая еще раздѣляетъ ихъ и васъ не-на-долго. Слова, приведенныя изъ Евангелія, ясно открываютъ эту истину, столько утѣшительную въ часъ смерти. Замѣтьте,—съ особеннымъ вниманіемъ замѣтьте, что Господь Іисусъ Христосъ, по окончаніи Святой вечери, тотчасъ обращаетъ мысли учениковъ къ состоянію будущей жизни. Онъ говоритъ имъ,—въ выраженіяхъ, которыя сами собою представляются при видѣ предметовъ Святой трапезы,—что хотя уже не будетъ пить плода лознаго на землѣ, однако же придетъ время, въ которое опять будетъ пить его «*съ ними—пить въ царствіи Отца Своего*». Въ этихъ

словахъ заключаются двѣ совершенно разныя мысли: одна о жилищѣ, въ которое Онъ переселялся, о царствіи Отца Его,—другая о тѣхъ существахъ, съ которыми будетъ раздѣлять блаженство Его,—«*съ вами во царствіи Отца Моего*». Эти мысли, относящіяся къ тѣмъ двумъ обстоятельствамъ, по которымъ смерть кажется болѣе всего страшною, свидѣтельствуютъ ясно, что Господь Іисусъ Христосъ, въ таинствѣ причащенія, желалъ освѣтить прежній мракъ неизвѣстности о мірѣ, въ который переходимъ, и горесть о разлукѣ съ друзьями, которыхъ любимъ.

Первое. Если смерть прерываетъ существованіе здѣсь на землѣ; то жилище, которое она открываетъ передъ вѣрными послѣдователями Христа,—есть царство Отца Его. Таинство Святой вечери разсѣяло всякую мысль о совершенномъ разрушеніи бытія, о безконечной безднѣ ничтожества, о вѣчной ночи, которою могила ужасала прежде воображеніе.

Таинство Святой вечери увѣрило, что смерть для добродѣтельныхъ не есть конецъ жизни, но перемѣна состоянія, переходъ изъ малой части вселенной, въ градъ Божій, — туда, гдѣ сіяетъ престолъ ихъ Отца. Добродѣтельные не могутъ сомнѣваться, что хотя тамъ ожидаютъ ихъ предметы новые, неизвѣстные, однако же благотворные и радостные, потому что самъ Учитель ихъ и Владыка возвѣстилъ имъ, что Онъ вознесся въ царство Отца Своего, —только прежде ихъ! «*Восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему*» (Іоанн. гл. 20, ст. 17).—«*Въ дому Отца Моего обители многи суть. Иду уготовати мѣсто вамъ. Паки пріиду и поиму вы къ Себѣ да идѣже есмь Азъ, и вы будете*» (Іоанн. гл. 14, ст. 2 и 3). Въ какой философіи, въ какомъ ученіи умирающій можетъ найти утѣшеніе, подобное утѣшенію, столь ясно, столь прямо исходящему отъ Того, кто есть самъ истина, и не могъ возвѣщать ничего, кромѣ истины? «*Аще ли же ни, рекъ бихъ вамъ*» (Іоанн. гл. 14, ст. 2).

Но эта надежда открываетъ—еще болѣе утѣшительную, сладостную — въ словахъ Спасителя.

О второмъ обстоятельствѣ, о чистѣйшей радости въ вѣчномъ соединеніи тамъ съ друзьями, которыхъ оставляемъ на землѣ: «*егда е піо съ вами ново во царствіи Отца Моего*». Въ какомъ Божественномъ сіяніи любви является здѣсь нашъ Спаситель! Онъ смотритъ на будущее соединеніе съ Своими учениками въ лучшемъ мірѣ, какъ на блаженство, которымъ возвысится самое блаженство небесное. И нѣтъ сомнѣнія, что, разсѣявая ихъ горесть и уныніе, при разлукѣ съ ними,—Онъ, въ примѣрѣ этой трогательной любви къ нимъ, хотѣлъ оставить подобную надежду Своимъ послѣдователямъ будущихъ вѣковъ для утѣшенія ихъ въ мрачныя минуты смерти!

Слова Господа нашего о будущемъ состояніи ясно увѣряютъ въ той утѣшительной истинѣ, которая для добродѣтельныхъ всегда была первымъ предме-

томъ желанія и надежды, т. е. что тамъ они найдутъ опять своихъ друзей, и будутъ наслаждаться уже вѣчно чистѣйшею, взаимною ихъ любовью.—Сколько утѣшительныхъ надеждъ представляетъ эта истина! Какимъ спасительнымъ бальзамомъ служитъ она и въ несчастіяхъ суетной жизни, и въ страшную минуту смерти. Потому что мы должны признаться, что самое величайшее мученіе въ смерти происходитъ отъ воображенія о невозвратной разлукѣ съ тѣми, которыхъ любимъ. Эта разлука болѣе всего терзаетъ душу и умирающаго, и остающихся въ жизни,—она есть ядъ того рода, который проникаетъ въ сердце доброе и чувствительное до самой глубины. Когда добродѣтельный, окруженный рыдающимъ семействомъ и нѣжными друзьями, съ одра смерти, прощается съ этими драгоцѣнными существами, имъ оставляемыми, — когда собирая послѣднія силы, даетъ имъ свое благословеніе,—когда въ послѣдній

разъ видитъ лице, слышитъ голосъ, прикасается къ рукѣ, которая въ жизни составляла лучшую, необходимую радость его сердца; кто могъ бы перенести горесть разлуки столь жестокой? Кто бы могъ,—безъ помощи небесной, безъ утѣшеній вѣры, безъ Ангела, тихо повторяющаго слова нашего Господа, что послѣ этой разлуки мы опять соединимся со всѣми ближними въ мірѣ вѣчномъ? — Что для человѣка можетъ быть благодѣтельнѣе утѣшеній, какія таинство причащенія представляетъ ему въ самой величайшей горести—ясно въ душѣ его оживляемою надеждою жизни безконечной—тамъ, гдѣ всѣ добродѣтельные и праведные соберутся и будутъ возвращены другъ другу предъ лицемъ ихъ Господа?

Таковы размышленія, представляющіяся намъ у трапезы Господней,—для приготовленія къ добродѣтельной жизни и спокойной блаженной смерти.—Главная польза ихъ, чтобы мы, приступая

къ причащенію, собрали въ сердцѣ всѣ чувства, отъ которыхъ зависитъ его спасительное дѣйствіе. Приступайте къ нему съ такимъ благоговѣніемъ и страхомъ, какъ будто оно дается въ послѣдній разъ, какъ будто служитъ послѣднимъ приготовленіемъ къ скорому переходу туда, откуда никто не возвращается,—какъ будто вы уже не будете пить здѣсь, среди своихъ братій, отъ сего плода лознаго до дня того, когда всѣ будемъ пить его въ царствіи Отца нашего. Богу,—одному Богу извѣстно, надъ кѣмъ изъ насъ такое предсказаніе исполнится. Богу извѣстно, кто изъ насъ, по опредѣленію Его, уже въ послѣдній разъ пришелъ сюда, «*во дворы его дома Господня*» (Псал. 83, ст. 3),—къ этой Святой Его трапезѣ? Да будетъ воля Его съ нами,—жизнь или смерть назначена въ Его опредѣленіи о насъ!— Но мы съ своей стороны, въ эту торжественную минуту, должны имѣть чувства въ особенности ей приличныя, — такія

чувства, на которыя благость Божія нисходитъ въ таинствѣ причащенія.

Въ заключеніе скажу объ осторожности, необходимой при настоящемъ случаѣ. Не судите о своихъ чувствахъ по тому пламени благоговѣнія, которое возгарается у трапезы Господней. Нѣтъ сомнѣнія, что пламенное благоговѣніе есть чувство счастливѣйшее; но оно не всегда зависитъ отъ нашей власти. Потому что бываетъ слѣдствіемъ особенной нѣжности сердца, которую природа даетъ не всѣмъ въ одинаковой мѣрѣ. И даже люди, обладающіе всѣми способностями для этого счастливаго расположенія, не всегда могутъ имѣть его. И такъ не предавайтесь унынію, если въ минуты, посвящаемыя Богу, не всегда найдете въ себѣ чувства пламенныя. Существенный долгъ христіанина требуетъ не минутнаго пламени, но того спокойнаго, ничѣмъ не возмущаемаго, всѣмъ довольнаго состоянія души,—до котораго она возвышается своимъ не

прерывнымъ, неутомимымъ стремленіемъ къ добродѣтели,—полезными и чистыми размышленіями,—искреннимъ и живымъ раскаяніемъ во всѣхъ прежнихъ заблужденіяхъ,—твердыми, добрыми намѣреніями на все будущее время жизни, и—глубокимъ чувствомъ близкой смерти и безсмертія! Такое расположеніе души есть самое достойное Святой трапезы; съ нимъ можете приступить къ причащенію въ надеждѣ и радости,—и смиренно вѣрить, что великій Искупитель нашъ ходатайствуетъ уже о васъ передъ тѣмъ милосердымъ Отцемъ, Который, съ высоты престола Своего взираетъ на чистыя, приносимыя Ему, чувства свопхъ земныхъ рабовъ—съ благоволеніемъ.

Конецъ.

КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ
В. КЛОЧКОВА.
Спб., Литейный 55

LIBRARY OF CONGRESS
0 021 066 158 A